

НАДЕЖДА ВОЛКОВА

Ива-иволга

16+

Надежда Волкова

Ива-иволга

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Волкова Н.

Ива-иволга / Н. Волкова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Трое дворовых друзей-командиров, Лёнчик, Саня и Серый, влюблены в девочку Ленку. Чтобы никому не было обидно, с детства вырабатывают закон: Ленка ничья, и строго его придерживаются. Взрослея, чувства обостряются, а Ленка в первый раз в жизни выпила на Новый год и сказала: «Мальчишки, я вас люблю. Всех. Что делать»? «Вернёмся после армии, тогда и решим», - договариваются друзья и уходят служить.

Содержание

Ленка	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава четвёртая	20
Глава пятая	29
Глава шестая	36
Глава седьмая	41
Саня	43
Глава восьмая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Для обложки использовано фото из открытого источника
<https://pxhere.com/ru/photo/264107>

Все имена и события вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

Долина реки Чирчик. По правому берегу широко раскинулся Ташкент, по левому тянутся небольшие городки и кишлаки¹. Чимганские горы окаймляют низовье серо-голубой грядой с белыми мазками на вершинах. Красота! Река весной полноводная, серо-коричневая талая вода бурлит, клубится водоворотами, даже смотреть с моста страшно. Летом же иссякает, переливается прозрачной лазурью, оголяет огромные, с блестящими прожилками, валуны. На них лениво жарятся четверо, три пацана и девчонка.

¹ Кишлак – селение в Средней Азии

Ленка

Глава первая

Как только они себя ни называли. Три мушкетера и Констанция – лучший вариант, она представляла себя очаровательной госпожой Бонасье-Алфёровой. Фильм о похождениях братьев красавцев в синих плащах находился на пике популярности и дворовые мусье размахивали шпагами-палками ничуть не хуже французской знати. «Один за всех и все за одного», – выкрикивали при каждом удобном случае. Ступенью ниже – три танкиста и собака (собака – это Ленка), версия так себе, но терпеть можно. И самое мерзкое – было у отца три сына и одна ляга, тоже Ленка. Ляга от слова лягушка, в округе их было навалом и народное детское поверье гласило: потрогал лягушку – жди бородавок на руках. Обидно, она ни разу не видела, чтобы у мальчишек от неё хоть малюсенькая бородавочка вылезла. Но терпела, иначе играть в «войнушку» придётся среди фрицев, а не среди «наших». То же самое в «казаках-разбойниках», а кому охота разбойником быть? Тем более все победы заранее известны: в баталиях всегда побеждали хорошие, правильные, «красные». Те, кем верховодили Лёнчик, Саня и Серый. И Ленка.

Она их не выдавала даже под пытками. пытки – это когда твое предплечье сжимают двумя руками и с силой выкручивают кожу в разные стороны. Называется «сделать крапиву».

– Скажи пароль! – зловеще шипел в лицо десятилетний палач из соседнего подъезда, заведомый фриц.

– На горшке сидит король, а сзади королева! – презрительно выплёвывала в ответ.

Рука горела, словно её и впрямь жалили крапивой, но Ленка не пасовала. Она тогда была очень стойкая. Да хоть калёным железом жги, своих пацанов, притаившихся сзади дома в мыльных цветах, не сдаст ни за что. Гордо вскидывала голову, стискивала зубы и ждала, когда в сумерках раздастся долгожданное: «Батальо-он, в атаку-у... за мной!» Командный голос всегда разный, из троих мальчишек уступать первенство не хотел никто. «По чесноку» решили – по переменной, и очерёдность быть командиром соблюдалась строго. Почему-то Ленка всегда первая попадалась врагу, этот вопрос она задала себе намного позже, через несколько лет. Ответ нашла сразу – военный штаб намеренно отправлял её на заклание, чтобы было кого освобождать. Форсируя кусты, штурмуя гаражи и заборы, уничтожая неприятеля пулями из деревянных ружбоек, мальчишки летели спасать её, Ленку. Их возраста ребятни предостаточно носилось, в каждой семье двое, а то и трое детей, но, сколько она себя помнила, столько и свою четвёрку.

Пришпиленное пирамидальными тополями белёсое небо хранило их детские тайны, надёжно прятало от чужих глаз и ушей самое сокровенное. Ночью оно опускалось вниз и висело над головой чёрным бархатным пологом. Настоящее сюзане, расшитое серебряными нитями, традиционная восточная вышивка. Азиатское небо словно вышло из-под искусных рук мастериц: густое, звёзды выпуклые и близкие, только руку протяни и дотронься до той, которая понравилась. Костёр в недостроенном бетонном бассейне меж домов отбрасывал отблески на лица, делал их красноватыми и заговорщицкими. Искры взлетали и перемешивались со звёздами, дым струился ввысь, расстилался как млечный путь, туманный и непостижимый. Секреты, вышептанные такой ночью, оберегались свято. Клятвы скреплялись крепким пожатием рук с цыпками и жёлтая круглобокая луна свидетельствовала об их нерушимости.

– Клянусь! Навек! – четырежды звучало над языками пламени, торжественно и ритуально. И ни один не сомневался в исполнении обещания.

Богом клянусь, вот те крест, как перед Господом – эти выражения тогда не использовали. Религия – опиум для народа, об этом знали с пелёнок. На крайняк можно сказать «матерью клянусь», но зачем? Верили слову, данному честному слову.

– Лена, домой! – отцовский окрик прозвучал не вовремя.

– Сейчас! – недовольно ответила она, мальчишки усмехнулись – девчонка, салага. А её обида пожирала, год всего разница. Русский жиденький хвостик выбился в разные стороны, освобождённые из плена прядки щекотали шею, Ленка раздражённо перекрутила волосы, но ни ногой в сторону дома.

– Лёнька! – следом спасительно зазвенел голос тёти Нади. – Время полдвенадцатого!

– Ага, – отозвался сын, но с места не двинулся. Сплёвывал смачно в затухающий костёр, слюна шипела на раскалённых углях, туда же летели мелкие камушки из рук Серого. Все ждали. Церемонию по загону детей на ночёвку знали и ребята и взрослые.

– Серёг, ложимся уже, дуй домой, – забасил дядь Петя. – С утра усвистал, сколько можно?

– Иду-у, – крикнул Серый, не поднимая головы. Поджал губы недовольно, поелозил на корточках, но так и остался сидеть, только мелочь полетела в костёр быстрее. Второго приглашения для Серёги лучше не дожидаться.

– Лена, мать твою! – не выдержал отец.

Она поднялась, затопталась на месте, глядя на рубиново-алые самоцветы, и медлила с ответом. Пацаны снисходительно лыбились и тоже смотрели на остатки костра. За долгий день умотались все, завалиться бы спать в липкой духоте без задних ног. И хоть слово «авторитет» ещё не знали, но интуитивно его ронять никто не хотел.

– Ленка, а ну... Кельмонда!² – голос не предвещал ничего хорошего.

– Хозир келяман!³

– Саня-а! – добродушно подозвал отпрыска запоздавший родитель. – Домой идти думаешь?

– Уже иду! – победно откликнулся сын.

Компания с облегчением встала и дружно навалилась на бетонный бортик. Ленка застряла, двое потянули её, в ночи послышалось сердитое «Я сама!», пришлось ждать, пока перекатится. Небрежно бросили «Хайр!»⁴ и разбрелись до следующего утра. Щуплый шарнирный Лёничик, каланча Серый и пигалица Ленка по своим подъездам, коренастый Саня поплёлся за дом. Его семья жила в коттедже с большим двором, хозяйством, садом и виноградником. Таких целая линия, край вселенной, дальше начинались кенафные и хлопковые поля.

По тем временам их махалля⁵ под Ташкентом – явление особенное. Не только сообщество, это образ жизни с прочно сложившимися устоями, смешение рас и культур, и всё мирно и дружелюбно. Отдельными улочками тянулся частный сектор. На земле, в основном, узбеки и казахи, остальных понемногу. Новенькие двухэтажки отстроил местный завод. Трудолюбивые руки быстро разбили вокруг них палисадники, насажали деревья, виноград. Фруктово-цветочный оазис за чертой города. В этих домах селились татары, башкиры, корейцы и русские, их было большинство. Шальные ветра за столетие нанесли в Среднюю Азию этнических русаков с разных концов страны. Началось с присоединения Туркестанского округа к Российской империи, следующая волна осела после революции и борьбы с басмачами. Потом война, Узбекистан крупнейший центр эвакуации, принял миллионы людей. Ташкент – город хлебный, так и оставались под знойным солнцем в тени чинар и тополей, в голодное лихолетье на одном только винограде да кислом молоке можно выжить. И ещё один большой наплыв – Ташкент-

² Кельмонда – иди сюда (узб).

³ Хозир келяман – сейчас, иду (узб).

⁴ Хайр – до свидания (узб).

⁵ Махалля – часть города, с преимущественно мусульманским населением

ское землетрясение 1966 года. Восстанавливать узбекскую столицу стекались добровольцы со всех союзных республик. Пленённые богатым и щедрым краем, вживались в него и никогда не делились на национальности.

А трясло частенько и порядок действий при первых толчках знали все – бегом на улицу. Не успел – вставай под косяк. Как правило, матушка-земля напоминала о своём могуществе либо поздно вечером, либо ночью. В чём застала подземная буря, в том и выскакивали, детей впереди себя выталкивали. Женщины в длинных ночнушках, мужчины в чёрных или синих семейных трусах и майках. Зимой если успевали что-то набросить на плечи – хорошо, нет – значит, нет. Ребяшня землетрясений не очень-то и боялась, даже что-то забавное в них находили. Оглянешься вокруг, а вдоль улицы впотьмах голый народ стоит, ёжится. Соседи, одноклассники, друзья, мелюзга на руках и все жить хотят.

Вот и в тот раз тряхануло в декабре, холодно уже. По телевизору «Зита и Гита» шла. Ленка фильм видела раньше в кинотеатре и легла спать пораньше. Неожиданно кровать испуганно вздрогнула, Ленка спросонок не поняла ничего. Слышала, как задребезжал хрусталь в серванте, заунывно запели оконные стёкла, вплетаясь в непонятный гул. Отцовская рука рывком стянула одею, выдернула дочь из постели и следом команда:

– Бегом!

Что есть силы рванула вместе с сестрёнкой и матерью. Скатывались по лестнице со второго этажа, теряя тапки и подбирая их на ходу, с глухим топотом вылетали соседи. Дом колыхался, ступеньки под ногами вибрировали, спасительная дверь из подъезда нараспашку, кто-то подпёр её кирпичом. Меньше чем за минуту выбежали. Народ толпился за линией молодых дубков подальше от стен. Тётя Надя одной рукой держала болоньевую куртку, другой маленькую Маринку. Лёнчик крутился рядом в трусах и футболке, ботинки на босу ногу. Увидел Ленку, кинулся к ней:

– Ништяк, да? Во, долбануло!

– Ага, только уснула. А Серый где?

– Там, – Лёнчик махнул в сторону соседнего подъезда. – Отец не выпускает.

– Лён, иди сюда, погрейся, – позвала мать. Она накрыла Маринку курткой, сама зябко потирала полные руки.

– Не, не холодно, – отозвался сын и Ленке: – Чё я, маленький, что ли?

– Ну, да.

Ленкин отец накинул на своё семейство одеяло в пододеяльнике, сюда же юркнула тётя Надя. Согрелись. Ноги только мёрзнут, а так ничего. Вездесущий Лёнчик курсировал вдоль дома, приносил сводку как проходит ночное стояние. В первом подъезде на всех один платок пуховый и пальто женское, взрослые сгрудились, детей в серёдку, так и пережидают. В последнем получше: пара одеял, но двое человек босиком, переминаются с ноги на ногу. Лёнчик сгонял в бассейн, оттуда притащил соседям старый картон, с лета валялся. Всё не на голой земле стоять. Рядом Серёгин подъезд, жильцы в норме, обуты и почти согреты.

– Отец Серого из рук не выпускает, а мать к нему прилипла, – хмыкнул Лёнчик. Буква «р» перекатилась мягко, как ириска, которые он обожал. И у него и у Серого карманы вечно набиты «Золотым ключиком».

– Что тут смешного? – осадила его тёть Надя. – Ну-ка, иди сюда!

– Да не замёрз я.

Лёнчик опять скрылся в темноте. Ленка куталась в тёплые материны руки, обнимала перед собой сестрёнку и переживала: а Саня-то выскочил? Младших у него двое. Родители успели, наверное. По лестнице бежать не надо, шагнул с крыльца во двор и всё. Может, Лёнку отправить, посмотреть? Но тому и говорить не надо, уже слетал и прибыл с докладом в огромной фуфайке:

– Саня на топчане сидят, пахан из сарая старые курпачи⁶ вытащил. Вот, сюда одну передали.

– Видел, что ль?

– А то! Тётъ Люся и меня хотела утолочь, а я чё, своих брошу?

В жизни не бросит, и даже в голову не придёт. Ещё и помогать всем будет. Лёнчик смылся, потащил курпачу в первый подъезд, а Ленка успокоилась, угрелась и задремала.

Минут через сорок с опаской втянулись по квартирам. Ленка завалилась на кровать и уже не чувствовала, как мама накрыла чистым одеялом и подоткнула его со всех сторон.

Так и жила махалля, общими радостями и общими бедами.

На следующий день в школе только и разговору было о землетрясении. В школьном спортзале трещина по стене пошла, побежали смотреть, а тут и тряхануло опять. Не сильно, но учителя испугались и всех отпустили. Шли домой, волокли за собой портфели и мелюзгу, а Серый вроде как оправдывался в стоянии подмышкой у родителя:

– Да, отец, блин! С ним поспоришь, что ли?

Слаженно согласились в три голоса – да, конечно! Какой дурак будет с дядь Петей связываться? Себе дороже. Он шишка какая-то на заводе, руководящая и направляющая. Иной раз Серёгу так направит на неделю под арест в воспитательных целях, тот месяц потом ходит как шёлковый, никуда не влезает, только косится да отказывается.

А Лёнчик набегался раздетый и заболел. Ничего особенного, простуда да ангина. Но болеть ему так понравилось, что он проканителился месяц. Педиатры тогда по домам не ходили, лечили не антибиотиками, а народными средствами – молоко с маслом и мёдом, водочный компресс на горло, аспирин.

Он филонил, валялся на диване, трескал всё подряд. Перед приходом матери с работы рассасывал кусочек рафинада с йодом и окунал градусник в кружку с горячим чаем. Первый раз неудачно и нагнал сорок два. Мать с перепугу побежала через дом к заводской медсестре, она и всадила Лёнке укол. Тот поумнел и стал проверять воду на палец, сам потом рассказывал. Застукал его отец. Из рейса приехал на день раньше, а сын спит с открытым ртом. Рядом кружка с остывающим чаем, в ней градусник торчит. Выписали ему предки по полной и вытолкали в школу. Он от безделья потолстел, команда его тут же окрестила Круглым. Лёнчик хмыкал, но не сопротивлялся. Лишний вес улетучился быстро, а прозвище приклеилось намертво. Да, ещё улыбаться стал на одну сторону. Пересмотрел «Место встречи изменить нельзя» и стащил улыбку у Жеглова, так же как и манеру разговора – мир принадлежит мне, он будет слушать то, что я скажу.

Родители у них... А, впрочем, какая разница кем работали родители? О социальных различиях не думали. Верили, все равны и мир, труд, май. Рабочий класс ещё был в почёте, труд облагораживал, мир государство обеспечивало, на худой конец бомбоубежище возле завода отстроили, дорогу к нему знали, а май... Май наступал из года в год, мимо ни разу не прошёл. Властно вступал в свои права с первой, дорожкой клубникой и черешней, благоуханием распустившихся роз, изумрудной зеленью улиц. Месяц благословенный, уже не холодно, но жары ещё нет. Она придёт позже, изнуряющая чилля⁷, когда на улице термометр показывает под пятьдесят и спастись от неё можно или дома (как усидеть?) или занырнув в окрестные водоёмы.

Поначалу полоскались в канале неподалёку. Система мелиорации в Средней Азии специфическая, плоскогорье изрезано водотоками для полива. Вода в них грязная, но тогда никто не знал, что для пляжа не очень подходит. Ныряли с разбега в мутную жижу и были счастливы. Потом обсыхали на грунтовке, выдубленную солнцем кожу стягивало, она покрывалась гли-

⁶ Курпача – тонкий ватный матрас.

⁷ Чилля – период 40-дневной безветренной жары с 25 июня по 3 августа, температура воздуха устанавливается свыше +40

няным налётом, но это ничего. Снова «бомбочкой» или «на головку» разрезаешь серо-буромалиновую гладь и как новенький.

А дрейфовать на автомобильной камере вчетвером да с полкилометра? Где ещё такой квест найдёшь? Только там, в Азии. Любо-дорого!

– Ну, чё, погнали? – вопрос для проформы. Саня столкнул чёрный резиновый круг и сам сиганул следом. Стоит, удерживает двумя руками, ждёт, пока остальные с фонтанами брызг попрыгают.

Воды в канале ещё много, по грудку. Забрались, уселись, поелозили, поплыли. Мерно покачивается камера, для равновесия четвёрка сидит в обнимку. Ничего делать не надо, ноги в воде, болтай да глазами на проплывающие по обеим сторонам заросли ежевики. Повсюду такая же пацанва неприкаянная барахтается.

Чья-то чужая рука взметнулась, ухватила за Ленкин синий купальничек и потянула за трусики, оголяя белую полоску кожи. Она взвизгнула, три рыцаря тут же бултых за борт. Дама равновесие не удержала, кувырок назад и под воду, сверху ещё и колесом накрыло. Пока выныривала, обидчику накостьляли, чуть не утопили и взашей на берег вытолкали. Разумеется, матерились по-взрослому. Камеру догнали, снова уместились и дальше в плавание.

– Ленк, ты чё, негритянка? – спросил Лёнчик. Против солнца сидел, глаз один сожмурен, к щеке соломинка прилипла. Дунул пару раз скосороченным ртом – не слетает. Рука молниеносно мелькнула, смахнула и назад Серому на шею.

– Дурак, что ли? – ответила она, убирая с лица прилипшие прядки.

– Негры чёрные, в Ташкенте видел, – авторитетно заявил Серый. Он чаще всех с родителями в город ездил. Отец прихватывал его с собой на служебном «газике» и Серёга первый во дворе начал козырять такими названиями как Шейхантаур, Тизиковка, Юнусабад⁸. В общем, самый продвинутый и самый культурный.

– Ленка тоже чёрная, только под трусами белая, – сказал Саня, пацаны засмеялись, а она почувствовала себя и смущённо и радостно. Отчего? Сама не знала. Но неожиданно поняла: они все как один кинулись её защищать, отстаивать честь и достоинство. Слова эти были в ходу после фильма «Три мушкетёра», и Ленка загордилась – настоящая Констанция.

Рука Лёнчика спокойно лежать никак не могла, дёрнула Серого за ухо. Сразу получил сдачи и грозно-воспитанное:

– А в лоб?

Опять засмеялись, доплыли до мостика и вскарабкались на берег, помогая друг дружке. Мимо кладбища, одного из самых больших в Ташкенте, назад пешкодралом те же полкилометра по солнцепёку. Какие панамки или шляпки, кто их носил? Курам на смех. О бейсболках и банданах тогда понятия не имели. Так и брели, солнцем палимые. Ещё и камеру накачанную перед собой катить надо, все по очереди. Констанция ты, не Констанция, кого волнует? Крути по пыли тяжеленное колесо. Пока добредёшь до начала заплыва, умотаешься, пятак-колючек насобираешь на босые пятки, от мокрого круга грязный с головы до ног.

То ли день сюрпризов это был, но Ленка его запомнила. Нежданно-негаданно, когда пришла её очередь катить камеру, Серый небрежно отодвинул девчачью руку, отвернулся и сказал куда-то в сторону:

– Не надо, иди.

Лёнчик и Саня, до этого момента о чём-то бурно спорящие, в миг замолчали и дальше шли без единого слова. Проверили ниппель, плавсредство опять полетело в воду, сами вдогонку. Раз, второй, третий, десятый, пока у французско-узбекских дворян ракушки на попе не повыврастали. Такой курорт. Мальдивы, Сейшелы и Гавайи вместе взятые бледнеют рядом с оросительным каналом твоего детства.

⁸ Шейхантаур, Тизиковка, Юнусабад – районы в Ташкенте

А Ленке по какой-то молчаливой договорённости колесо катить больше не давали.

Глава вторая

Море они видели сто раз. Не настоящее, но всё равно. Ташкентское водохранилище так и называлось – Ташморе. А вокруг него в изобилии понатыканы пионерские лагеря и турбазы министерства мелиорации, в Азии всё народное хозяйство на нём завязано. С путёвками проблем никаких, за счёт профсоюзов стоили копейки и детвора плавно перетекала из смены в смену всё лето. Тоже отдельный мир, и ташкентские и областные дети из года в год одни и те же.

Махаллинская четвёрка выезжала стабильно. Чаще везло, попадали в один отряд. «Зарницы», походы, межлагерные спартакиады – всё вместе. Казалось, так будет всегда. Но первая подростковая сумятица расцвела именно в лагере, взросление неожиданное, одномоментное и совсем некстати.

Горка-слон, с него скатывались в неестественно голубую от медного купороса воду. Она ещё и хлоркой воняла, но удовольствие проехать по хоботу и с маху влететь в гущу купающихся лагерников ни с чем несравнимое.

Ленка выстояла очередь на лестнице, поправила купальник, для девчонок это обязательно. После выныривания стратегические полоски ткани съезжают, главное успеть их руками придержать. Села, вытянула ноги и понеслась вниз. В конце хобота немного подбросило и приводнилась она аккурат рядом с каким-то пацаном. Завалила и его за компанию, под водой вместе выгребались, вынырнули, отфыркиваясь и хохоча. Вдруг мальчишка замолк, Ленка протёрла глаза, от хлорки их режет невыносимо. Напротив застыл Саня, ореховые глаза его распахнулись, словно какую-то диковинку увидел на уровне её груди. Она опустила взгляд – новенький оранжевый купальник сбился в сторону, бесцеремонно выставив напоказ малюсенький холмик с розовым пятнышком. Вокруг визг, смех, а они стоят как два придурка. Ленка быстро поправила лиф и заносчиво сказала:

– Чего уставился?

– Ничего, – буркнул Саня, шлёпнул ладонью по воде, окатив её веером брызг. Развернулся и рыбкой ушёл в ядовито-синюю глубину, только бордовые плавки мелькнули.

– Чокнутый, – фыркнула Ленка и поплыла к подружкам.

Саня сторонился её весь день, а вечером после линейки отправились на турбазу прямо в пионерской форме. Пятница была, родители после работы прибыли, чад навестили, а сами за забором отдыхали в вагончиках. Традиционно заводчане привезли живого барана, его резали на месте. Шашлык, шурпа, лагман – по-узбекски широко и щедро. Из лагеря никто не отпускал, но что стоит перемахнуть через забор и от пуза набиться вкуснящим, жареным по всем правилам, мясом? Шашлык в Узбекистане готовят по своему. Большие куски маринуют в уксусе, много лука и специй. Шампуры длинные, унизанные бараниной, «на рубль» – такая такса по тем временам, и на этот рубль целая гора мяса. Волшебный запах от мангала расплывается на сотню метров, щекочет ноздри, заставляет рефлекторно выделяться слюну. Зубами стягиваешь ароматный горячий кусок и сразу полный рот. Раскусываешь и бараний жир перемешивается с мясным соком, погружая в высшее блаженство. Следом закидываешь тонко нарезанный, приправленный мелко рубленой кинзой, лучок. Неповторимый вкус Средней Азии, и приготовить и хорошо поесть там умеют и делают это красиво.

Место лаза у бетонной плиты, где кусок отколот и видны металлические прутья. На них да на железную скобу наступаешь, подтягиваешься и садишься на забор. С высоты прыгнуть вообще плёвое дело.

Серый с Лёнчиком сложили руки «стульчиком» и первым закинули Саню. Тот устроился поудобнее принимать остальных. Следующая Ленка. Одной ногой упёрлась в живую ступеньку, другую задрала на решётку из прутьев. Пацаны снизу чуть приподняли, она уже почти уцепилась за Саньку, в этот момент ступня соскользнула и провалилась в перекрестье мальчишеских

рук. Прямо голыми ляжками, шорты-то короткие. Другая нога сорвалась с опоры, Ленка подбородком проехала по плите, слыша за спиной бубнёж:

- Чё ты её лапаешь?
- А чё я? – огрызнулся Серый. – Она сама свалилась.
- Держать надо крепче, дебил.
- Кто дебил? Ты борзый?
- А в пятак?
- Не ссышь?
- Бодаться будем?

Петухи расходились, но Ленке было не до них. Содранный подбородок болел, это полбеды. Хуже другое: второй раз за день она перед своими мальчишками выглядела по дурацки. Сначала в бассейне, теперь здесь. Лицо горело, шею и плечи как кипятком облили, провалиться бы сквозь землю под этими тополями у забора.

- Хорош, пацаны, – прикрикнул Саня. – Отбой скоро.

Кое-как перелезли и гуськом потянулись на свет фонаря. В вагончике мама обработала рану зелёной, поругала на всякий случай:

- Все целые, одна ты опять нашла где-то.
- Случайно.
- Не хватало ещё специально. Ты же девочка, Лен!
- И что? Не человек?
- Я девочка, – вылезла сестрёнка Света. – Я хорошая девочка, а она плохая.
- Сама ты плохая, – огрызнулась Ленка. Подбородок саднил, настроения никакого. Отец заглянул в вагончик и сказал: – Долго ещё? Она же не пол головы снесла. Да, дочь?
- Она на меня сказала – плохая, – наядбедничала Светка.
- Первая не лезь, – отбилась Ленка.
- Хватит вам, – прикрикнула мама.
- Сороки! Что за наказание? – вздохнул отец и исчез, крикнув: – Быстрее, вас ждём.

На топчане вокруг лягана⁹ с дымящимся шашлыком все четверо сидели насупившиеся, между собой не разговаривали. Так, родителям фразу кинут и опять жуют. Ленке шашлык поперёк горла встал, исподтишка видела: и мальчишки давятся через силу. В обратную сторону отцы их перебросили и до своего отряда шли вразброс как чужие.

На следующий день насыщенная лагерная жизнь вроде сгладила шероховатость. Ленка подглядывала за пацанами издали, всё как обычно – смеются, футбол гоняют, орут друг на друга. Серый, по обыкновению, на воротах. Ринат Дасаев кумир миллионов, но для Серого это ещё гордость – внешне сильно на него походил: высокий, с длинными руками от «девятки» до «девятки» в одном прыжке летал. Она посмотрела немного, успокоилась и села с девочками в беседке неподалёку.

Вечером пошли на массовку, так в то время дискотека называлась. Она проходила на площадке для линейки, в возраст танцевальный уже вошли, но всё как-то стеснялись. В общем кругу топтались под Пугачёву и Леонтьева, на «медляк» приваливались к изображению пионера на железном листе. Только Лёнчик не танцевал никогда, а Ленку никто и не приглашал, она вечно в окружении троицы верных вассалов. Не потому, что красавица, скорее, сила привычки. Хоть в пух и прах разрядись, кто рискнёт подойти?

«Море, море, мир бездонный...», – затянул Юрий Антонов. Неожиданно Саня направился к группке девчонок и пригласил городскую Нелю. Вот она красотка, метиска, наполовину узбечка, наполовину русская. С большими тёмными глазами под густыми ресницами, пухлыми губками и гладкими чёрными волосами, подстриженными под «сэссон». Серый с Лёнчиком

⁹ Ляган – большое блюдо

переглянулись, хмыкнули многозначительно, а Ленка впервые почувствовала укол внутри. Да так больно, как будто кто-то с силой воткнул в сердце здоровенную иголку от растущей рядом акации. Старательно отводила взгляд в сторону, вскидывала вверх, к роящимся вокруг фонаря мошкам. Бесполезно, он неумолимо возвращался к парочке, перетаптывающейся на расстоянии вытянутой руки. Ком обиды застрял у самого горла и выталкивал на поверхность ненужные слёзы.

Так и этого мало. В конце массовки объявили «белый танец». Неля сама подошла к Саньку, а её подруга Тамара к Серому. И теперь уже двое из трёх мушкетёров, трёх танкистов и сынов одного отца оставили её, Ленку-Констанцию. Она торопливо дёрнула Лёнчика за руку:

– Идём.

– Куда? Не-е, не пойду.

– Я тебя пригласила.

Лёнчик подчинился и несмело положил руки ей на талию. Она вцепилась в его плечи, а сама... Сама смотрела на крепкого Саню с густой шевелюрой русых волос, правильными чертами лица, на его пальцы, прилипшие к Нелиным бокам. Перевела взгляд на долговязого Серого. Обычно он состоял из связки мослов, а теперь вдруг одни углы: в локтях, в коленках, в поясе. Тамара низенькая и Серёге пришлось чуть пригнуться, при этом он уставился в небо. Что он там высматривает? Большую медведицу ищет? Ленка держала идиотскую улыбку, а душа заливалась слезами.

«Не отрекаются любя...», – надрывно выводила Алла Пугачёва, чем только подлила масло в огонь. Они её предали, променяли на городских, так расценила Ленка.

Разве в неполные тринадцать ты в состоянии понять, что мир тебе не принадлежит? Что у каждого из четверых могут быть свои отдельные тайны? Откуда знать, что происходит всплеск каких-то таинственных гормонов? Твои-то собственные ещё спят и в ус не дуют. Не о сексе речь, о нём если и говорили, то только шёпотом. Вступившим в пубертатный возраст пацанам требуется обнимать девчонку, небрежно закидывать руку ей на шею, демонстрируя феодальное право. А Ленка всего лишь лягушка, собака, не пришей рукав.

Предаваться самоуничижению – дело неблагодарное, но бессознательное. Остановиться невозможно, неустанно выискивается всё отрицательное, что только можно найти. Волосы белобрысые жидкие, стрижка не модная, как подстригли в местной парикмахерской так и подстригли. Глаза обычные серые, нос острый, губы как губы, руки-грабли, ноги длинные с выпирающими коленками в шрамах и вечных синяках. Мышь полевая и дурочка она, дурочка из переулочка.

– Пошли в отряд, – Лёнчик взял её за руку и потянул за собой, музыка ещё не окончилась.

Не глядя на мальчишек, они развернулись и двинулись в сторону спального корпуса. Ленка интуитивно держала марку, как кол проглотила. Лёнчик что-то чересчур оживлённо болтал, не умолкая, но она не слушала. Нервы и мышцы напряглись до предела, только бы не споткнуться на плитках. Не знала, смотрит, не смотрит кто вслед, но почему-то считала важным уйти не женой галантерейщика Бонасье, а королевой Анной Австрийской.

«... Ведь жизнь кончается не завтра...», – вдогонку рыдала Пугачёва, но Ленка не согласилась. Она закончилась сегодня на виноградной аллее с веткой недозрелого винограда в руках, Лёнчик сорвал. Они шли под тусклым светом фонарей, закидывали в рот пыльные ягоды и молчали.

На массовку Ленка больше не ходила и с мальчишками почти не общалась. От окончательного распада компанию спасла человеческая глупость. Кому-то из администрации лагеря пришла в голову идея отправить детей в поход с ночёвкой за Ташморе на «семиочковку»: вода сбрасывается через семь выпускных шлюзов на плотине и дальше течёт по спокойному руслу с зарослями кустарника.

Вышли с утра и пешком отмахали километров десять. По прибытии на место накупились и завалились спать на раскинутых покрывалах. Под неистовым солнцем сгорели все до единого вместе с воспитателями и вожатыми. Красные как раки, у многих к вечеру температура поднялась, какая ночёвка? Выдвинулись назад, еле доползли за полночь и к утру покрылись огромными волдырями. Медичка вместе с оставшимся персоналом с ног сбилась, мечась между двумя отрядами, около двухсот человек. В лёжку лежали на животах, не шелохнуться, на спинах вздутые водянистые пузыри. Стоны и вой пионеров разносились по всему лагерю.

Ленке повезло, она спала в футболке и у нее обгорели только руки и ноги, а на них волдыри не выскакивают. Администрация где-то закупила оптом кислого молока, им то и смазывали не сильно пострадавшие места. Первое народное средство в Азии при солнечных ожогах. Ленку покрыли прохладной белой массой полностью, остальным самые большие пузыри прокалывали стерильными иглами, выпускали с осторожностью жидкость и обрабатывали водкой. Ленка отлежалась, обсохла и поднялась помогать. Конечно, носилась между своими, благо, рядышком лежали. Велено было аккуратно работать, иголку и руки постоянно протирать водкой, она и старалась. Лёнчика чуток полечит, переметнётся к Серому, проткнёт, выдавит, обмажет, Саня на подходе. Треугольник не любовный, но близкий и понятный. Пацаны зубы стискивают, терпят, а Ленка самая настоящая боевая медсестричка. Провоняла и узбекским кефиром и водкой, как апайка¹⁰-алкоголичка, но своих не бросила.

– Лен, а Лен, – извиняющимся тоном позвал Санёк.

– Чего? – ответила, не поворачивая головы. Пальчиками развозила кислое молоко по ногам Лёнчика.

– Мы на руках тебя носить будем.

– Куда? – усмехнулась, но слышать приятно.

– Да куда скажешь, – тут же вылез Серый. – Хоть до Сквера¹¹.

– Врёте.

– Клянусь, Лен, – не отставал Саня.

– А я один дотащу, – подал голос худосочный Лёнчик.

– Ты-то куда? – она легонько шлёпнула его чистой рукой по затылку и утопила в подушку. – Лежи, чуть-чуть осталось.

– Потом меня, да, Ленк? – сказал Серый.

– Чё это тебя? А я лысый? – возмутился Санёк. – Лен, в туалет хочу, меня вторым.

– Сань, ты дурак? Задницей же к молоку приклеишься, – сказал Лёнчик. (Туалеты на улице с дыркой в полу).

Пацаны глухо засмеялись, уткнувшись в подушки. Ленка заливалась, прикрыв рот тыльной стороной ладони, перепачканной скользкой белой жижей. Обгоревшие, дурно пахнущие, но снова были вместе.

Глава

третья

Пионерский лагерь заканчивается в четырнадцать лет, а без мальчишек Ленка съездила на одну смену и больше не захотела. Пересиживали лето дома, у многих кондиционеры появились, они-то и позволяли на целый день обложиться фруктами и книжками и погрузиться в чудесный выдуманный мир.

Книжными червями не были, по-прежнему допоздна мотались по улице, бывало и в чужие сады по ночам наведывались, иногда сталкивались на кулаках с подростками из соседних домов. Молотили честно, по-взрослому, порой и самим доставалось. Пробовали курить, Лёнчику понравилось больше всех, а Серому отец охоту ремнём быстро отбил. Но и читали всё

¹⁰ Апа – женщина старшего возраста (узб.); апайка – разг.

¹¹ Сквер – Сквер Революции в Ташкенте

подряд, СССР вообще считался самой читающей страной в мире. Военные романы сменялись приключенческими, советские детективы Конан Дойлем и Агатой Кристи. Когда опускалась прохлада, четвёрка собиралась на улице, горячо обсуждали «Момент истины» или «Сатурн почти невиден». Книга Бориса Соколова «Мы ещё встретимся, полковник Кребс!» любимая у пацанов, каждый себя так и видел Дробышевым, спокойно и твёрдо поправляющим кобуру с пистолетом. «Мы ещё встретимся, полковник Кребс! Встретимся»!

В дополнение к этому набору Ленка читала романы про любовь. Ни «Войну и мир», ни «Идиота» так и не осилила, зато с упоением проглотила «Джен Эйр» и «Гордость и предубеждение». А «Таис Афинскую» Ефремов просто с неё списал, только перенёс на тысячелетия назад. Она представляла себя златокудрой гетерой, лихо несущейся в колеснице по древнегреческим улицам. Это Ленка напророчила великую судьбу будущему полководцу и царю, по её указанию сожжён Персеполис. Никто иной, а именно она всю жизнь тайно любила знаменитого македонянина и стала царицей Египта, её слезами у погребального костра оплакана лучшая подруга и верный Менедем. Только Ленка никак не могла разобраться, кто из пацанов есть кто: Александр Македонский, Птолемей и Гефестион. (Неарха отмела сразу, любил других). Бесконечно тасовала колоду, но ничего не выходило – почему-то все должны быть Александрями, а разве это возможно?

С подобными размышлениями впервые пришла мысль: а с кем бы она хотела идти в поход... в Персию, например? С Лёнчиком, с Саней или Серым? Тоже вопрос из вопросов. Легче найти квадратуру круга, нежели определиться с таким сложным выбором. С Лёнчиком всегда весело, он запросто может раздобыть что угодно, с ним не пропадёшь до самой Персии. С Серым интересно, он читает в сто раз больше, чем они трое вместе взятые, когда успевает только? Почти не матерится, зато дерётся здорово. Мальчишки давно у Сани во дворе тренируются, «грушу» боксёрскую колотят. У Серёги руки длинные, стремительные, такой в дороге очень даже пригодится, охранять Ленку будет. Саня тоже драчун не из последних, немного медлительный и тугодум, но добродушный, как и отец его, и первый красавец на махалле. Так что, просто обязан гарцевать рядом с её колесницей. Да... Как тут решишь?

Интересно, вот можно было бы замуж сразу за троих. Отыграли свадьбу вчетвером, на узбекский манер в одном дворе несколько домов отстроили и в каждом она живёт с разным мужем. Они все её любят и работают не покладая рук, потому что Ленка им детей нарожала, всем по два. А сама, знай, двор метёт, поливает да ежедневно плов готовит, кто плов не любит? А малышня вокруг босиком по тёплым лужам носится. Вечером собираются под виноградником, столы ломаются, у мужей вперемешку отпрыски на коленках сидят, все улыбаются и счастливые. И Ленка счастливая как Фёдор Иванович Сухов из «Белого солнца пустыни». Только у него в видениях целый взвод пышногрудых красавиц, а у Ленки пацанов всего трое.

Вздохнула тяжело – так не бывает, лучше об этом не думать. Что мальчишки её в качестве супруги и матери своих детей в принципе могут не рассматривать, в голову не приходило. Включила кондиционер, одиннадцать только, а пекло несусветное.

– Ле-ен, Ленка! – с улицы донёсся голос Лёнчика. Она отложила книжку и высунулась в окно: – Чего?

– Купаться идёшь?

– Конечно. Кто ещё?

– Да все.

– Куда?

– Куда-куда!.. На Чирчик на пару часов. Давай, быстрее. Пожрать возьми.

– Ладно.

Выключила кондиционер, накидала немых яблок и персиков в монтаповский пакет (они тогда появились у корейцев на базаре и были последним пискком уличной моды), натянула

купальник, коротенькое жёлтое трикотажное платье и сланцы. Не торопясь выплыла из подъезда походкой от бедра под одобрительные присвисты компании.

– Ничё так ножки, – заценил Саня, оглядывая Ленку сверху донизу.

– И фигурка отпадная, – вторил Серый, склонив голову набок.

Она торжествующе усмехнулась, в душе млея от таких изысканных знаков внимания. С мамой они больше двух часов отстояли в духоте ЦУМа за этим венгерским платьем и вот она, награда. Compliments хоть и не книжные «ах, как вы чудесно выглядите, душечка» и прямо в лоб, но всё равно приятно.

– У ней и попка классная, – хмыкнул Лёнчик, она шутиливо отвесила ему подзатыльник: – Дурак!

Посмеялись, Ленка немного подумала, на чей багажник примоститься, выбрала Саню и на трёх великах покатали почти до Персии, на Чирчик. По дороге купили лепёшек и на целый день увязли на берегу реки.

Почему в детстве время ползёт медленно? Это после школы оно ускоряется и ты разбегаешься как фляер, лошадь – спринтер, а затем и на галоп переходишь. Привычно мчишься семимильными шагами, оставляя позади переломанные барьеры, не преодоленные канавы и сбитые подковы. Копыта в кровь и ты устал, но время неумолимо несёт тебя к финишной прямой. Хочешь не хочешь – беги, пока твоя лента не будет сорвана.

Азиатское время другое и всегда было другим. Оно ленивое, тягучее, с бесконечно долгим летним днём. Он пропитан белым светом, в знойном размытом мареве застыли минуты, секунды поднялись вверх от раскалённой земли, но высоты не достигли, расплавились под горячими лучами. Жара правит временем и только она вольна определять: один час – это сколько?

Накупались, побродили по каменистому берегу. Добрались до небольшой песчаной отмели, а песок прохладный, ногам приятно. Разулись, потоптались босиком. Хорошо! Снова в воду, нагретые бронзовые тела с благодарностью принимают ласковое касание живительной влаги. Поныряли и с рук и с плеч, Ленка научилась не хуже мальчишек. Мест глубоких летом на Чирчике не много, но местные их знали. Вдоволь накувыркались в воде и залегли обсыхать на валунах. Именно обсыхать, в Узбекистане специально никогда не загорали.

Кто первый завёл разговор об армии, уже и не вспомнить, но по тем временам служить хотели.

– Я бы в десантники, – мечтательно сказал Лёнчик, переворачиваясь на спину.

– Кто тебя возьмёт? Ростом не вышел, – ответил Серый.

– Так три года ещё, отец у меня здоровый, дорасту.

– Ты куришь, а там нельзя, – вставила Ленка.

– А ты откуда знаешь? Была что ли? – усмехнулся Саня.

– Читала. И потом, у них там марш-броски всякие.

– Ну?.. Тупой только про них не знает, – парировал Лёнчик.

– Да у тебя дышалка не выдержит, – весело сказала Ленка.

Она села на валуне, обняла колени и смотрела на другую сторону реки. Оранжевый «Икарус», длинный как кишка, полз вдоль парапета, ярким пятном выделялся на сером бетонном фоне.

– Вон, как этот автобус, – сказала она, махнув рукой вперёд. – Позади всех телепаться будешь.

Мальчишки поднялись, посмотрели, Серый засмеялся и сказал:

– А я в стройбат хочу.

– Гонишь! – уверенно заключил Саня, шелчком посылая маленький камушек в воду.

– Ага, так и поверили, – добавил Лёнчик, отправляя по тому же маршруту следующий.

– Точняк, – не уступал Серый. – Бетон месить буду.

– Давай, давай, руками, как последнее чмо. А мы в ВДВ пойдём, да, Круглый? – сказал Саня, легко спрыгнул с валуна, поднял булыжник и со всего маху закинул его в реку. Россыпь искрящихся брызг обдала прохладой подсохшую кожу.

– Базара нет, – подтвердил Лёнчик и соскользнул вниз. – Пожрём, может?

Ленка аккуратно слезла с камня и направилась к сложенным под ивой вещам.

– Лен, – позвал Серый, она обернулась. Он стоял на валуне, расставив ноги, загорелый, тёмно-русые волосы потемнели от воды, зелёные плавки-шортики в обличку по моде. Лёнчик и Саня рядом, только внизу. Такие же смуглые, одни мышцы и сухожилия. Все трое подсвечены июльским солнцем на фоне бледно-голубого неба.

– Ну, чего? Пошли, есть охота.

– А ты нас ждать будешь? – шутливо сказал Серый, вроде смутился, но глаз не отвёл.

Ленка опешила от неожиданности. В груди заняло сладостно и нестерпимо. Вихрь мыслей пронёсся за секунды – она же не их девушка. И вообще ничья не девушка. А теперь, выходит, троим девушка? А как это? Что делать-то? И целоваться со всеми? Может, не зря она сегодня про мужей думала? Вот, дурочка, не бывает такого, – засмеялась на такую глупость и вслух кокетливо спросила:

– Всех троих?

– Через одного, – буркнул Саня, нагнулся, подхватил следующий булыжник и с разворота швырнул в воду.

Ленка отвернулась и пошла к дереву, переполненная блаженством. За спиной, сквозь зубовный скрежет, слышалось бурчание.

– Дур-рак, ты Серый! – Саня, звонкий шлепок по голому телу.

– Да чё, я только спросил, – Серый, ответный удар.

– Какого фига? Обещали же, – Лёнчик, негромкий стук булыжника и через секунду плеск воды. – Удод!

– Да, хорош, пацаны!

Шлепки, гиканье, возня, хруст камней под ногами и через минуту кучей малой завалились на старенькое покрывало.

Такое оно, счастье – валяться под завесой ивы и поедать выполосканные в реке персики вприкуску с лепёшкой. Вяло перебрасываться словами, грызть яблоки, по очереди травинками щекотать гладкую девичью кожу то с одной, то с другой стороны. Видеть, как Ленка отмахивается, потирает места прикосновения, а потом до неё доходит, что это проделки мальчишек, а не мошкары.

– Ну-у? Что делаете? – верещит недовольно и щиплет каждого быстрыми болючими щипками.

Хохот, всеобщая дружеская потасовка и опять покой, растянувшись на спине. Сквозь повисшие ветви проглядывает удивлённое солнце – сорок в тени, чего тут развалились? Не замечали. Счастье вне всего – вне жары, вне времени, вне условностей. Одно на всех.

Совсем рядом на соседних деревьях завелась кукушка, гулко и протяжно. Ку-ку, ку-ку, да не уgomонится никак, старается.

– Кукушка, кукушка, сколько мне жить? – спросил Лёнчик, птица тут же умолкла. Все засмеялись, Саня обрадовал: – Конiec тебе пришёл. Отец башку оторвёт.

– За что?

– Время седьмой час, Маринку кормил?

– Ловить её должен? Сама поест.

– Вот за это и оторвёт, башку не знаешь? – добавил Серый. – Кранты тебе, Круглый. Погнали.

– Не, подождём. Кукушка, ты где?

Та словно одумалась и принялась куковать торопливо, навёрстывая время.

– Во, поняли? – удовлетворённо сказал Лёнчик.

– А мне, кукушка, – сказал Саня.

– А мне.

– А мне.

Запросили все, отсчитывали, уже за семьдесят перевалило, а птаху как заклинило. Засмеялись. Свернулись быстро, Ленка натянула платье, восемьдесят один, восемьдесят два. Вдруг над головой взвилась трель мастерская, снизу вверх понеслась затейливо «фьюти-фьюрли-ти-фью». С ювелирной точностью попадая в самые высокие ноты, заглушила кукушку. Та обиженно замолчала. Ни с кем не спутаешь иволгу, повсеместно живёт она в Узбекистане, только увидеть редко кому удаётся. А эта прямо над ними концерт устроила, сидит на ветке маленькая, жёлтенькая с чёрными крылышками, и выводит старательно.

– Ох ты! – от восторга Ленка захлопала беззвучно, едва соприкасаясь ладонями. Лёнчик посмотрел на неё так странно, что она смутилась, и сказал: – Классно, да? Ива-иволга. Со мной поедешь.

Оседлали велики и назад. Ленка крепко держалась за Лёнчика и смотрела то на Серого, то на Саню. Оба выпендривались, делали «козла», она улыбалась и сама себе мысленно говорила вычитанное из книжки выражение «девушка кокетливо улыбнулась». Верила, так и делает.

Глава четвёртая

Для выросших в Узбекистане отдельной жизненной канвой проходит сбор хлопка. Даже лозунг такой был – все на сбор «белого золота». Взрослые в обязательном порядке по выходным, студенты на два-три месяца к чёрту на кулички со своими раскладушками, матрацами и одеялами. Ручной сбор следовал за машинным. Тяжёлый, рабский труд, который возлагался и на детей. Начиная с седьмого класса школьников ежедневно вывозили на хлопок. С середины сентября и до конца ноября для старшеклассников приостанавливались занятия. С утра к школе подъезжали смердящие бензиновой гарью «ЛИАЗы», битком набивались и выдвигались в какой-нибудь богом забытый колхоз.

Ленке везло больше всех, её пацаны по головам лезли в автобус занять место, и она сидела почти всегда, что очень значимо. Время в пути порой больше часа, а попробуй висеть на одной руке, стиснутая со всех сторон такими же малолетними тружениками хлопкового фронта.

Созревший хлопок – это просто вата в высохших колючих коробочках, кустики примерно по пояс. Учителя расставят по полю в шеренгу, у тебя две грядки и правый арык. Где-то далеко впереди воткнут палку со скомканным хлопком – граница, туда и ползёшь по пересохшей земле, гребёшь обеими руками. Ладони изодраны, шершавые, ногти поломаны, пыль набивается в рот, в нос, растопыренные ветки в глаза лезут. Ад! Норма шестьдесят килограмм, попробуй-ка собрать. Это вата, не капуста или картошка, как в России. Спереди на поясе фартук полотняный подвязан, большой квадрат с четырьмя лямками, вот туда и пихаешь. Мотается между ног до самой земли, вниз тянет, бредёшь как кенгуру с сумкой. Когда набирается так, что тащить на себе уже невоготу, снимаешь и дальше кучки по арыку делаешь. Потом всё в фартук складываешь и трамбуешь ногами, «солишь», присыпаешь слои хлопка землёй, чтобы вес был. А куда деваться? Норму требовали. Потом завязываешь длинные лямки крестнакрест, с горем пополам да с помощью таких же бедолаг взваливаешь на горбушку и волочёшь на хирман¹². Стоит большая телега, около неё примитивные весы из трёх дубин, рядом бабай колхозный и своя учёгчица из школы, работница со слабым здоровьем. Ты идёшь по грядкам, придавленный мешком, спотыкаешься, ноги подворачиваются, солнце в глаза слепит. Кое-как дополз, взвесил. Ура! Десять килограмм стране «белого золота» заготовил, осталось пятьдесят.

Но хлопок и своеобразная романтика. «Вот, новый поворот, и мотор ревет...», – непременно выводили под гитару. Обедали тем, что из школьной столовки на машине привезли да из дома прихватили. Прямо на земле фартук один расстился, сами вокруг рассаживались. Заботы никому не было, что девочки могут таких проблем огрести, на всю жизнь этот хлопок скажется. Зато дружно и весело. Самые расторопные «партизанили» по соседним полям где ещё хлопкоуборочные машины не прошли. Гоняли за такую самодеятельность, но правило железное: норму выработал – свободен. Можешь и дальше собирать, какие-то копейки за килограмм платили, однако таких дураков мало находилось. А сколько школьных романов завязывалось в это время! Парочки складывались с удара тяжёлым кураком¹³ по спине. Какой-нибудь пацан влепил девчонке между лопаток – всё, симпатия. Хоть и больно, но плюс для дамы сердца огромный: джентльмен вместо леди будет таскать её неподъёмный фартук на хирман.

Ленка трудилась со своим классом, десятый «Б» мальчишек работал дальше. Конец октября, жары уже нет, иногда дождичек поморосит, но тепло ещё. После обеда она с девочками попылила на грядки, вдруг лёгкий удар в плечо кураком. Обернулась – Лёнчик кивает, отзывает в сторону.

– Сколько? – спросил он.

¹² Хирман – место в поле, где принимают хлопок.

¹³ Курак – недозрелый хлопок, зелёная нераскрытая коробочка чуть меньше яйца.

– Восемнадцать. (Килограмм).

– Давай фартук.

Ленка обрадовалась: «партизанить» пойдут. Сняла с шеи фартук и сунула ему, мальчишки выручали частенько. Сборщица из неё оказалась никакая и на еженедельных линейках ей вечно в нос тыкали. А что она могла сделать? Собирала как все, но получалось мало.

Примерно через час, когда она уже накидала кучек, а фартука всё нет и нет, кто-то из одноклассников вернулся из дальних кустов и сказал:

– Там такое мочилово! Наши со второй бьются.

Вторая школа из их района, на хлопке пересекались часто. Ленка сообразила быстро и, не раздумывая, понеслась на соседнее поле, слыша за спиной голос классухи:

– Злобина, куда?

– В туалет! – выкрикнула, не оборачиваясь, и припустила быстрее.

Добежала до посадки, перемахнула через канаву, упала, поскользнувшись в высокой траве. Поднялась, не обращая внимания на боль в коленке, и полетела дальше. Сзади окрик:

– Злобина, ты чего тут делаешь?

Военрук Николай Петрович, в простонародье Коля-Петя, любимец школьных дам и девочек. Статный усатый красавец нагнал её и тяжёлой ладонью приковал к земле, зычно прогремев над ухом:

– Куда?

– Там... там....

– Стоять здесь, ясно?

– Да, только....

– Ещё раз спрашиваю – ясно?

– Да.

Он погрозил пальцем, деланно нахмурился, под ровно выстриженными усами спряталась понимающая улыбка. Развернулся и быстрым шагом направился к месту рукопашного боя. На ходу хлестал длинной хворостиной по начищенному армейскому сапогу, колечком сложил пальцы и затолкал в рот. Разбойничий свист чуть не оглушил, ещё один, Ленка прикрыла уши и втянула голову в плечи. Видела, как месиво из мальчишеских тел на мгновение прекратило колыхаться, затем забурило с новой силой. С другой стороны подтягивались учителя второй школы.

Меж тем групповая драка нарастала, рубились в сечу и молотили без остановки. Как единый организм, страшный и беспощадный, она дышала ударами, сопела захлёбывающимися кровью носами, чавкала врезающимися под дых кулаками. Кто-то упал, его тут же подняли за шкуру и снова в челюсть. Закон негласный един для всех – лежачего не бьют. Ленка с обмершим сердцем высматривала своих, но разве различишь в катающемся свирепом клубке знакомые макушки?

Кое-как учителям удалось растащить драчунов. Ещё слышались разъярённые выкрики в обе стороны, битые кулаки взлетали, грозя будущей расправой, остервенело пинались высохшие комья земли под ногами. Но утихали, понемногу накал ослабевал, бойцы принялись подсчитывать потери.

Подгоняемые хворостиной, двигались прямо на Ленку, тащили за собой пузатые фартуки. Она во все глаза смотрела на мальчишек – ужас! Дрались и раньше, но чтобы сразу одиннадцать человек, чумазных, окровавленных? Видела впервые.

– Пусть не лезут! – строптиво сказал Лёнчик военруку, видимо, отвечая на вопрос. Поплевал на ладонь, отёр ссадину через всю щеку, развернулся и противнику в спину: – Только попадись, гад! Урою!

Тут же получил подзатыльник от Коли-Пети и снова задиристо:

– А чё? Они первые начали.

– Чё, чё... Обалдуи! Завтра с утра с родителями вызовут. Хотите?

– Да чихал я на этот хлопок! – сказал Серый, сплёвывая в пыль окровавленную слюну. Потрогал челюсть, сморщился от боли, подёргал зуб. Ленка не к месту подумала – кто, интересно, смог до Серёги допрыгнуть?

– Расчихался, – укоризненно ответил военрук. – Отцу расхлёбывать придётся.

Серый угрюмо вздохнул. Последствия известны: массовая драка между школьниками – ЧП местного масштаба, а папа партийный, в горьком недавно перешёл.

Мальчишки Ленку словно не замечали, перевалили через канаву и толпой направились к арыку с водой. Она металась между ними в страстном желании помочь, но все трое отпихивали её – отстань. Саня всучил полный фартук, Ленка волоком потащила его по земле. Николай Петрович забрал и взвалил на плечо.

Кураж от потасовки сошёл на «нет» и сразу принялись геройствовать.

– Я Ринату промеж глаз врезал, – бахвалился Саня.

– А тебе кто? – усмехнулся военрук. – На себя посмотри, завтра заплывёт, не откроешь.

– А я лысому в пятак, – не отставал Лёнчик. – Здоровый, с-сука.

– Но-но! Разговорчики! Оправиться, быстро.

Серый промолчал, а Ленка опять распереживалась: влетит ему по полной, вот не повезло с отцом. Причина таких боёв могла быть пустяковая, о ней забывали сразу, но помахать за своих дело чести. Только не все это понимают.

Покидали фартуки, Ленка уселась на них и смотрела на пацанов. Кряхтя и чертыхаясь, воины мылись в арыке, приводили себя в порядок.

– Злобина, а ты зачем туда бежала? Тоже драться? Или спасти?

Прищуренный взгляд сверху, усмешка, которую никакие усы не спрячут, и хворостина по сапогу шлёп, шлёп. Фыркнула и отвернулась.

– Ну-ну.

Утром Ленка вышла пораньше и тревожно прохаживалась возле дома. Небо захмурилось, заволоклось мрачно-серым полотном, противный мелкий дождик посыпался за шиворот. Она натянула капюшон куртки и спряталась в подъезд. Первым появился Лёнчик с расписным фасадом. Щека наискось прочерчена зелёным на фиолетовом.

– А я и не парюсь, – сказал довольно. – Мать не может, отец в рейсе.

– Ну да. Пока приедет, забудут уже.

Вздохнули, помолчали.

– Пошли, что ль?

– Пошли.

Выползли на улицу и поплелись к школе. Из соседнего подъезда вышел Серый с отцом. Ленка пискнула:

– Здравсьте, дядь Петь!

– Здравствуй, Лена, – окатил её с головы до ног жгучим взглядом, как преступницу, и на Лёнчика переключился. – Хорош, сказать нечего. Один?

– Угу.

Серый на них даже не посмотрел. Губы поджаты, нижняя как вареник, запёкшаяся кровь блямбой прицепилась за уголок. Однако маленькие упрямые вмятинки на подбородке от глаз не скроешь – кипит он, зубы сцепил изо всех сил, но против отца не попрёт. Скула распухшая, почти квадратная, глаза льдистые. Ленка его побаивалась в таком состоянии. Не Серый, а тугой комок ярости за метр восемьдесят ростом.

Так и шли до школы – Серёга с отцом впереди, Ленка с Лёнчиком сзади переглядываются. А дождь идёт и идёт, тягомотный, унылый. Итак тошно, ещё и хмурь висит. У школьных ворот работяги-хлопкоробы сбились под навесом, нахохлись, наверняка, все как один надеются, что автобусов сегодня не будет и пойдут они домой отсыпаться.

Саня с отцом на «москвиче» прикатил. Правый глаз у него и впрямь заплыл синевой. Щёлочка, а не глаз, но сам спокойный, только ухмыляется. За него можно не волноваться, отец у Сани мухи не обидит, не то что кого-то из троих детей.

Папаши отбыли вместе, компания выдохнула и забилась в угол подальше от всех. Серый безмолвно изучал железобетонную плиту над головой, остальные чувствовали себя неловко: как всегда, больше всех ему досталось.

– Может, не поедем сегодня? Вот здорово было бы! – с юношеским задором сказала Ленка, от собственного тона чуть не стошнило.

– Ага, по домам, да спать завалиться. Сутки бы дрых и не шевелился, – подхватил с наигранной беспечностью Лёнчик.

– А у нас манты, мать вчера две мантышницы сделала. Если отпустят, пошли ко мне, – предложил Саня и поморщился, ладонью прижал пострадавшую сторону.

– Ты как стовосьмой, Санёк, – засмеялся Лёнчик.

Стовосьмой – выражение, рождённое в Узбекистане. Многие тогда понятия не имели, откуда оно пошло, но его значение знали с детства: ханыга, отёкший бухарик, сюда же попадали размалёванные шлюхи-алкоголички, подзаборные. На самом деле была статья в уголовном кодексе Узбекской ССР, бродяжничество и тунеядство, оттуда меткий оборот речи и вырос.

– Сам-то? Фингал на пол лица, – парировал Саня и Серёге: – Да, ладно тебе. Первый раз, что ли?

Тот склонил голову на бок и обвёл взглядом всех троих, такая тоска стояла в глазах, что Ленка поёжилась.

– А я не хочу домой, – сказал бесстрастно. Неожиданно улыбнулся, расцвёл и ей: – Лен, как мы тебе?

– Стовосьмые, – не задумываясь, ответила она, глотая нежность к избитым пацанам.

Засмеялись и пошли домой. Отпустили.

Примерно через неделю Ленка с девчонками сидели на фартуках между рядками. Погода установилась хоть и пасмурная, но сухая и тёплая. Отдыхали, болтали, конечно же, о мальчишках.

– И ты что, ни с кем из них не целовалась? – спросила Галя, татарочка с соседней улицы.

– Нет, – ответила Ленка.

– Почему? – поинтересовалась Мира, маленькая симпатичная птичка, она проводила в армию своего парня и очень этим гордилась.

– Не знаю, – Ленка пожалала плечами и почувствовала себя ущербной.

И, правда, почему? Ни один из пацанов никаких записок ей не писал типа «Давай дружить». Они итак дружили всю жизнь, куда больше? Никто, как и положено, не обнимал за шею, не притягивал за талию на вечернем променаде по махалле. Так и гуляли вчетвером, трепались, прикалывались да шаркали ногами.

Кстати, о походках и разговорах. Откуда взялась такая манера ходить – тоже загадка. Ни настоящего моря, ни океана, ни шаткой корабельной палубы на тысячу вёрст поблизости не сыскать. Однако передвигались вразвалочку как моряки, вальяжно покачивались с боку на бок и пришаркивали пяткой. А выходцев из Узбекистана и сейчас можно узнать по говору: чёткий, с акцентом на твёрдые согласные, но растянутый как эластичная резинка. Только слова-паразиты да ругательства выплёвываются резко, с отягечкой: «Чё ты, борзый? (Блатной, мудрый, дебил). Сленг тоже свой: ништяк, зыковско, шара-бара, бабай, братан, непременно «чёканье». Дурак (дура) сплошь и рядом, скорее обращение, чем оскорбление, и много чего ещё.

Невесёлые мысли усугубил досужий Лёнчик. С разбега плюхнулся на колени, пощекотал Галю за бок, та прелестно хихикнула и хлопнула его по руке. Он переключился на Миру, но она только презрительно скривилась. Ленка надулась – Мира почти мужнина жена, а с ней

никто даже не заигрывает. Так обидно, хотелось треснуть Лёнчика чем-нибудь, но повода пока не подвернулось, поэтому недовольно спросила:

– Чё пришёл?

– Надо, пошли, – Лёнчик поднялся и закрыл собой тусклое солнце. Болячка на его лице отвалилась, розовая полоса пролегла от скулы к подбородку. Ждёт, не уходит, руку ей протянул. – Ну, идёшь?

– Куда?

– Много будешь знать, скоро состаришься.

Ленка нарочито медленно вложила Лёнчику ладошку, бесконечно долго поднималась Багирой (во всяком случае, верила в это), неторопливо отряхнула штаны на попе.

– Скажете, в туалет пошла, – бросила вниз и поплыла вперёд, выписывая кренделя. Нечаянно наступила на ком земли, нога подвернулась. Ленка тихонько ойкнула, но величаво понесла себя дальше на воображаемый трон. Ни у кого в школе нет троих, только у неё. И она уже давно не Таис Афинская, а Екатерина Вторая. Пикуля к тому времени перечитала, знала, императрица фаворитов меняла как перчатки. Вот и Ленка решила идти по такому же пути.

Через пятнадцать минут она об этом забыла. Лежала с пацанами в высокой траве, привалившись к испещрённому трещинами стволу. Налитые, вызревшие, больше кулака, такие яблоки называли «Розмарин». Зелёные с тёмно-бордовым бочком и белым восковым налётом, аромат густой и дурманящий. Раскусываешь и рот заливает соком, солнцем и летом.

Колхозный сад убран давно, а эти одинокие красавцы остались на самой макушке. Мальчишкам их достать как нечего делать, целый фартук набрали. Истомлённые погодой и нудной работой в поле, скинули куртки, на них и увалились. Нога на ногу да поглядывай в небо, на белый маленький диск за пеленой туч, на позднюю паутину, зависшую в осеннем воздухе.

Саня хрумкнул с одного бока яблоко и протянул Ленке:

– На, сладкое.

Она приложилась рядышком. Верно, медовое и свежестью отдаёт, на вкус чем-то на дыню похоже. Серый выхватил, взамен своё сунул, откусил и передал Лёнчику. Удивительно, тогда ничем не брезговали и ничего не боялись. С одних мисок железных ели, в арыке их пополоסקали и чистенько. Чай недокипячённый из грязного титана похлебали, фрукты немые об штаны обтёрли и готово. Но не болели, о кишечных инфекциях и не слышали. Если уж пронесёт, урюковый отвар или настой из гранатовых корок попил, угольными таблетками заел и снова здоров и бодр, иди, работай, приноси пользу государству.

– Балдеем? – военрук материализовался из ниоткуда с неизменной хворостиной в руках. Возвышается монументом, ухмыляется, морщинки у глаз гармошкой и шлёп, шлёп по сапогу.

Неохотно перетекли из лежачего положения в сидячее.

– Яблочко хотите? – спросил Лёнчик и раскрыл фартук. – Выбирайте.

Пахнуло душистым раем. Николай Петрович присел на корточки, взял первое попавшееся, поднёс к лицу и вкусно втянул ноздрями воздух.

– Где набрали?

– Туточки, – Саня ткнул пальцем вверх.

– Норму сделали?

Вразной ответили – ага, да, почти, одна Ленка как в рот воды набрала.

– Злобина, чего молчишь?

Карие глаза в вечном смешливом прищуре остановились на ней, усы приподнялись над улыбкой.

– Я тоже почти, – вздохнула и встала.

– Да мы ей соберём сейчас, – не замедлил поддержать Лёнчик.

– А куда вам деваться? – усмехнулся военрук и сел на Ленкину куртку против солнца. Сочно хрустнул яблоком, поглядывая одним глазом на неё, и спросил: – Как ты ими управляешь? Поделись секретом.

Пацаны хмыкнули, а она чувствовала, как её маленькую грудь нулевого размера распирает от важности, сзади распускается павлиний хвост, из головы и впрямь императорская корона лезет. И нисколько не тяжело её нести. А с кем целоваться.... Эту задачу она потом как-нибудь решит.

Вернулись затемно последним автобусом, Ленка задремала у Серого на плече. Подъехали к школе и вывалились в ночную прохладу. Лёнчик яблок Коле-Пете отсыпал, оставшиеся сразу поделили. В свете редких фонарей неторопливо пошли по дороге домой, на плече фартук висит, в руке сумка с посудой и яблоками. Спать охота.

Кодла вынырнула в конце школьного забора. Из-за домов семь тёмных фигур выросли из плоти, крови и агрессии. Впереди татарин-крепыш, рядом с ним русак длинный, остальные на полшага сзади. Сразу видно – чужие. Свои, махаллинские, просто так на абордаж не пойдут, все друг друга знают, делить нечего.

– Ринат, – процедил Саня, тормознул, спиной попятился к забору. Лёнчик с Серым поменялись местами, узел сопротивления за годы отработан до автоматизма – высокий Серёга по центру, пацаны с двух сторон.

Ленкину спину обсыпало каплями, в животе заглодело. Что делать-то? Оглянулась назад – у школьных ворот никого, Коли-Пети след простыл и улица пустынная.

Пришлые обступили полукругом и ещё потеснили. Первым начал Ринат, цыкнул слюной в сторону и спросил через губу:

– Ну, чё, поговорим?

– Давай, побазарим, – спокойно ответил Саня, а сам ближе к забору придвигается и Ленке: – Иди, догоним.

– Н-не пойду.

– Иди, кому говорят?

– Мы быстро. Держи, – добавил Серый, отдал ей фартук и сумку.

Она собрала у мальчишек вещи, чужаки расступились, пропуская её. На их усмешки внимания не обращала, лихорадочно думала – все сразу не накинутся, драчливый этикет соблюдается повсеместно. Но если «наши» будут побеждать, то, скорее всего, остальные в горячке боя просто не вытерпят. Тогда пацанам мало не покажется, а ещё прошлые раны не зажили.

Сердце колотилось как после стометровки, то ли от страха, то ли от влажной спины дрожь сотрясала всё тело. Беспомощно оглядывалась по сторонам, кругом ни души. Перетрусилась не на шутку: куда люди подевались? Как назло. Заорать, что ли? Кто услышит? Частные дома вдоль дороги, а до двухэтажек хоть изорись, не долетит. Мимо на скорости промчалась машина, фарами осветила место назревающей битвы. В жёлтом свете Ленкины мальчишки потрясали руками и плечами, разминались. В голове моментально возник фрагмент из любимого фильма «Не бойся, я с тобой». Там в финальной сцене три каратиста спина к спине готовились к бою у пограничного столба и пацаны так же у школьного забора.

Карате легализовали недавно, им увлекались повально. Откуда-то появились частные тренеры и мальчишки в свободное время учились вырубать противника одной пяткой, ребром ладони ломать кирпичи. Правда, страдали больше руки, а кирпичам хоть бы хны.

– Чё, Ринат, глаз не вытек? – расплылся Лёнчик. Явно нарывался, пружинил на месте, для него схлестнуться в честном бою одно удовольствие, заводился с пол оборота. Несмотря на невысокий рост, соперник из него опасный – подвижный, лёгкий, азартный. Незлобивый по натуре, в драке преображался, становился отчаянным и безрассудным.

– А тебя чё мой глаз колышет?

– Да, вот, думаю, второй подбить.

– Рискни здоровьем, – осклабился Ринат, свита заржала.

Порядки Ленка знала, они не ляды точить пришли, реванш взять. Никто никаких разговоров вести не будет, заведомо готовились к мордобою и отвечать надо тем же. «Поговорим» – вводная часть, следом колкости с обеих сторон и до первого удара. Дальше будет пыль столбом, замелькают ноги, кулаки, челюсти.

Паника нарастала, Ленка с перепугу начала вешать на себя фартуки. Сумки мотались в одной руке, лупили по животу и ногам чем-то круглым, тянули вниз. Опомнилась, начался процесс в обратную сторону. Лямки запутались на шее как удавки, Ленка дёргалась и физически ощущала, как сгущается враждебность над зоной баталии. Фразы резче, голоса зазвучали ниже, в ход пошли маты.

С горем пополам стянула фартуки, они мягко шлёпнулись на землю, туда же полетели сумки из которых задорно разбежались яблоки. Нагнулась, пошарилась вокруг, нащупала булыжник и почувствовала себя увереннее. Поднялась и застыла с камнем в руке. Дышала глубоко и нервно, думала: «Только бы в своих не попасть». Что может проломить кому-то голову, не сомневалась. Пацанка и рука не дрогнет.

За спиной послышалось удивлённое «Оп-паньки!» и железной хваткой окольцовано запястье. Болезненный нажим на сочленение с кистью и Ленкины пальцы распрямились без сопротивления. Кто-то аккуратно вытащил булыжник из её руки.

– За это и посадить могут, – наставительно сказал незнакомый голос за спиной.

Обернулась, взгляд упёрся в черноту вровень со зрачками. Сухощавое лицо, скулы высокие, глаза узкие раскосые, волосы смоль смоляная с ночью сливаются. Гера-кореец, старше намного, двадцать три – двадцать пять. Слухи о нём ходили, но никто ничего толком не знал. Наркотиков ещё в открытую не продавали, а вот анашой многие баловались. Мальчишки тоже как-то попробовали у Сани во дворе. Ленки при этом не было, сами рассказали. Серый помялся и отказался, выступил в качестве наблюдателя, Санёк затянулся несколько раз, в глазах поплыло. Развеселился не на шутку, хихикал дурак дураком. Лёнчик, конечно, в первых рядах. Оторвался от души, вывернуло наизнанку и весь двор Сане уделал, шлангом бетон мыли. На этом эксперимент благополучно завершился. Но обкуренных ребят хватало в городке, их по глазам узнать можно: сонный коровий взгляд с поволокой, обладатель таких глаз вот-вот на ходу улетит в нирвану, речь заторможенная, язык вялый, как кашу во рту гоняет.

Вроде Гера и занимался наркотой. Сморчок с виду, но даже менты местные связываться с ним побаивались. Рядом дружок его Сафрон, тоже кореец. Лицо круглое, приплюснутое, но щёки солидные, на лепёшку за пятнадцать копеек похож. Сколько их в группе никто не знал, и была ли группа неизвестно, но факт остаётся фактом – боялись, держались подальше, потому как ножом пырнуть могли, молва и такое приносила.

Ленка струсила ещё больше, нелепая мысль билась нещадно – убивать её сейчас будут, убивать. Да хоть тем же булыжником тукнут по голове и готово. Домой-то как хочется! Окунуться в тепло и покой, со Светкой на пороге поцапаться, наскоро помыть руки и за стол. Горяченького чего-нибудь, от яблок в животе революция с марсельезой. А ничего не будет, прикончат посреди дороги как свидетельницу.

За что, свидетельницу чего – непонятно. Мозг утратил способность соображать трезво и работал в одном направлении – всё, пришёл смертный час. Знала, Гера бандит, а раз бандит, значит, прирежет за что-нибудь как овцу.

– Так хулиганить не надо, – вместо ножа в живот миролюбиво сказал кореец, не выпуская её руки. – И чего делают?

За спиной слышался гул голосов, угрозы и отборная брань сыпались с обеих сторон. Кому-то припечатали, сдавленное «О-ох!» послужило спусковым крючком и утонуло в первых ударах по мягкому. Ленка произвольно всхлипнула и помотала головой – не знаю. Гера усмехнулся, нижняя губа его закатилась в рот, два крупных передних зуба обозначились ров-

ными квадратиками. Высокий протяжный звук вспорол ночь, звоном ткнулся в уши. Ленка как загнипнотизированная смотрела на лицо напротив. Кореец свистнул ещё дважды, она некстати подумала: «Соловей – разбойник», истерично засмеялась и сразу заглохла.

– Сафрон! – бросил Гера, не поворачивая головы. Тот шагнул вперёд, но происходящего она не видела, прикованная цепкой рукой. Чпокающие звуки, шорох гальки, смачные, отборные маты сквозь стоны и сражение затихло, не успев разгореться.

– Ну и чего не поделили, пацаны? – с любопытством спросил Гера. Он направился к забору, за руку таща за собой Ленку. Она послушно шлёпала за ним совсем как за папой в детский садик. Видела фигуры, но лиц не различала. От осознания, что идёт с бандитом, парализовало, рассудок перестал работать и не выдавал даже глупые мысли.

– Не твоё дело, – буркнул кто-то, тут же короткий удар справа и голос заткнулся, перейдя на заунывное подвывание.

– Аккуратнее, им ещё родину защищать, – невозмутимо сказал Гера и кинул вопрос в толпу, подняв Ленкину руку: – Чья?

«А ничья!» – внезапная одинокая мыслишка проскользнула в голове и улетучилась. Ленка снова неестественно хохотнула захлёбывающимся смешком.

– Моя! – пара нескончаемых ног выдвинулась на два шага вперёд как из строя на школьном плацу. Ленкин взгляд упёрся в коричнево-оранжевую куртку Серого на уровне груди. Ладонь его уверенно перехватила её руку, потянула к себе.

– Ты, шкет, смотри за ней, – назидательным тоном сказал Гера. Он, наконец, отпустил Ленкино запястье и легонько подтолкнул её к Серёге, она лбом уткнулась в холодную болонью. – Переколотит ваши головы как орехи. Всё, пацаны, войнушка окончена, по домам.

А шкет, на полметра выше корейца, надёжно упрятал подмышкой до смерти перепуганную Ленку. То ли чтобы и впрямь от страха никого не поубивала, то ли чтобы никому не отдать.

За всю дорогу ни слова, натянутость звенела струной, тишиной давила на барабанные перепонки. Беззвёздное ноябрьское небо стелилось низко, осыпалось сыростью на плечи. Дождь, не дождь, в волосах поблёскивала мелкая морось, но так и шли с непокрытыми головами. Друг на друга не смотрели, утонули в своих мыслях. Неподалёку заревел ишак «И-ау, и-ау-у, и-и...!»! Заглох на выдохе, не допев лебединую песню. Засмеялись негромко.

– Лен, мы бы все..., – начал Саня.

– Да знаю, – перебила она. – Просто у кого-то ноги длиннее.

Снова усмехнулись.

– А ты что, и, правда, шарахнула бы? – спросил Лёнчик, потирая то бок, то кулак. Он успел и врезать и получить.

– Конечно.

– Офигеть! И сами бы...

– А как ты нами управляешь? – ни с того ни с сего спросил Серый и с легонца пнул попавший под ноги камень.

– Никак, – смутилась она и перевела разговор в безопасное русло: – А что там случилось? Ну, Сафрон этот, что делал?

Пацаны наперебой принялись рассказывать про приёмчики из каратэ и Ленка вздохнула с облегчением.

Дома отсидела за столом, впопад отвечала на вопросы, вполуха слушала Светку с её нескончаемой трескотнёй. Та оживленно болтала ногами под столом и вещала про гопaki и лезгинки, занималась народными танцами в школьном кружке. Ленка торопливо умылась, залезла под одеяло и долго крутилась с боку на бок, придавленная неразрешимой загадкой – почему Серый?

Об этом эпизоде больше не вспоминали, жизненный уклад вернулся в привычную колею. Однако каратэ посвящать стали всё свободное время. Сначала бомбили «грушу», затем махали ногами и руками с отрывистым «Ки-йя»! Она тоже училась, мало ли?

А совсем скоро, через каких-то семь месяцев, школа для пацанов закончилась. Отзвенел последний звонок, откружил вальсами выпускной, разделил рассветным утром юность и взрослость. Они уже там, Рубикон свой перешли, а Ленка на территории детства осталась одна.

Глава пятая

По пронзительности с тем летом сравнить нечего. Она понимала – конец, они догадывались – конец. Вместе мотались в Ташкент, бесцельно гуляли по городу, догуливали, взяв договоривали недоговоренное, как будто чувствовали. Купались на Чирчике, валялись под той же ивой и молчали. Ещё не чужие, но уже не свои. И вроде всё как всегда и всё иное. Назад пути нет.

Лёнчик и Саня подали документы в Гидромелиоративный техникум, туда шли все кому не лень. На каких мелиораторов учили и не вспомнить, но принимали даже троечников, а после десятого класса сразу на второй курс. Серый в ТашПИ на Общетехнический факультет. И всё сами, за руку никто не водил. Выбрали, поехали, сдали экзамены. Отличительная черта того времени – самостоятельность. А она зашкаливала и развивала ещё большую независимость, способность приспосабливаться к условиям без родительской опеки. Может, потому и выжили в девяностых, что могли адаптироваться к обстоятельствам и рассчитывать только на себя.

Серый сдавал математику на Шейхантауре в старом здании Мехфака, Лёнчик, Саня и Ленка в ожидании слонялись по Урде¹⁴. Июль, самая жарень. Вышли к набережной Анхора¹⁵ и зависли под чинарами. Неспешно несёт зелёные воды Анхор, головы купающейся ребятни торчат повсюду.

– А ты куда будешь поступать? – спросил Саня, срывая веточку с дерева.

– Не знаю, не думала, – ответила Ленка и тоже отломил прутик.

– Ну, в институт?

– Куда ещё? – сказал Лёнчик. – Это не мы с тобой, у них с Серым мозгов полные головы.

– При чём тут мозги? – возразил Саня. – Бабаи в первых рядах идут. Батя сказал, чтобы одного барана в институт пристроить надо десять отдать. Кто откажется?

– Всё равно, Серый точно в начальство вылезет, как червяк. Мать говорит, у него ума палата. «Вон, на Серёжу посмотри, а ты баран бараном. И Леночка умница», – кривлялся Лёнчик, имитируя материны интонации.

– Что-то вас на баранов сегодня потянуло, – сказала Ленка, меланхолично разламывая ветку на равные кусочки.

Помолчали.

– Через пять лет тут будем сидеть, – Саня плевком в воду указал в сторону кафе «Анхор».

– Лучше в «Зарафшане», – сказал Лёнчик.

Засмеялись и начали наперебой вспоминать. Там они были неделю назад на свадьбе одноклассницы Мухаббат. Размах той отличался от обычных в махалле, деньгами не просто пахло, ими шибало в нос. Вообще, зачем их позвали – непонятно, но грех на халяву не попасть в самый козырный Ташкентский ресторан. И Ленку с собой прихватили, она не хотела, стеснялась идти незванным гостем, но Лёнчик выдал железный аргумент:

– Одним больше, одним меньше, кто там считать будет? Той¹⁶ же.

Любопытство взяло верх и она поехала. Сначала думала – просто посижу, посмотрю. Есть не буду, чтобы не обожрать. Когда увидела угощенья, решила, что от неё никакого ущерба свадьбе не случится и наелась от души. Понятно, что скинулась вместе со всеми в один конверт.

Столы ломились, не успели «туй палов» попробовать, следом нарын, мелко нарезанная лапша с конским мясом. Чимганскими горами встали ляганы с шашлыком. Только приложились – бедана, перепёлки. Уложенные с перепелиными яйцами, аромат зиры и красного перца

¹⁴ Урда – район в Ташкенте.

¹⁵ Анхор – большой оросительный канал, протекает через центр Ташкента.

¹⁶ Той (туй) – большой праздник в честь важных событий.

щиплет ноздри. Ты набит по самые гланды, но отказаться невозможно. Махонькие, щёлкаешь как семечки, за уши не оттянешь.

– На горляшек похоже, – заключил Серый, приканчивая третью или четвёртую. В детстве стреляли их из рогаток, неошипанными жарили в яме на кенафном поле, там же олово плавляли на грузила для удочек, руки обжигали.

– Куда в тебя столько лезет? – сказал Саня, сыто отвалился и глазел по сторонам.

Свадьба пятьдесят на пятьдесят, европейско-национальная. Аксакалы в чапанах¹⁷ чинно сидят в рядок, бороды оглаживают. Многочисленная родня и друзья все столы позанимали. Мужчины отдельно, неторопливо водку закидывают, вдогонку бутербродик с чёрной икрой, культур-мультур. Плов, по обыкновению, щепоткой, аккуратно, не обронив ни рисинки. Женщины сами по себе, кишлачные вроде и в современной одежде, но глаза потупили, сидят, вилками ковыряют. Собольи брови вразлёт от переносицы, усьмой¹⁸ выкрашены, косы толстые змеями по спине. Городских сразу видно – причёски, шелка, серьги в ушах массивнее, перстней на всех пальцах чуть ли не на каждой фаланге, да и переговариваются, не стесняются. Одноклассников, как бедных родственников, воткнули в дальний угол.

Зато когда подвыпили и начался «така-така-тум», Саню удержать было невозможно. Они втроём пытались уговорить его, Лёнчик сказал:

– Чё ты лезешь? Это вообще не твоя свадьба.

– Я гость! – с гонором сказал Саня. – А гость в дом – радость в дом! Может, я Мухаббатке радость принёс.

Переплясал всех, даже приглашённого танцора. Узбекский танец – это ещё одна фишка Востока. В него погружаются с головой, отключая мозг. Ритм берёт власть, руки, плечи, шея от плавных движений переходят к отрывистым. Ноги то чуть выбрасываются вперёд, то топчутся на месте. Лица сосредоточенные, пальцы прищёлкивают в такт. Зажигательно, чувственно, сплошная импровизация.

Народ прекратил танцевать и собрался в круг. В центре остались танцор и Саня, кто-то на его шевелюру нахлобучил тубетейку. Жаль, что тогда камер не было, тем более смартфонов. Что он там вытворял, не передать: руку на затылок и ходил фазаном в брачный период, голову втягивал ритмично, чисто по-узбекски, какую-то полную женщину вытащил и на колени перед ней вставал, руку к сердцу прикладывал, а сам плечами играет туда-сюда, туда-сюда. В общем, не Саня, а танцор диско. Гости под тубетейку да за ремень ему деньги пачками насовали.

– Ай, маладессс! Баракалла!¹⁹

Их-то сегодня и решили спустить в Ташкенте, погулять, в кафе сходить.

Покидали веточки в воду. Стояли и смотрели как медленно плывут они, кружатся в мутно-зелёных воронках, пропадают в тёмной арке моста. Сонно перекачивает воды Анхор, равнодушно забирает мечты и уносит с берегов канала надежды.

Серому одного балла не хватило, пошёл на вечерний на тот же Мехфак. Обидно, можно бы на следующий год попытаться на дневной перевестись, но впереди армия замаячила. Он апрельский, Лёнчик и Саня мартовские.

Десятый класс Ленка не помнила, просто пережидала и всё. Никто её на переменах не подкарауливал, на хлопке опять ругали и в хвост и в гриву, а толку? Нотации ей были до фонаря, отвернётся в сторону и смотрит вдаль, думает – скажите спасибо, что вообще ковыряюсь. Николай Петрович как-то поймал её на хирмане и спросил:

– Что, Злобина, заскучала?

¹⁷ Чапан – национальная одежда, стёганный ватный халат широкого кроя.

¹⁸ Усьма – растение для окрашивания бровей в Средней Азии.

¹⁹ Баракалла – молодец (узб).

– Нет, – пожалала плечами, отряхнула фартук и повесила на шею.

– А ну, стой. Как орлы твои?

– Нормально, в Каршах где-то.

– И всё-таки, как ты ими управляешь? – попытался пошутить Коля-Петя, ободряюще руку ей на плечо положил.

– Никак.

Вывернулась и пошла на грядки. Девчачьи разговоры, секретики – всё это было в её жизни. Подружки и во дворе и в школе, но с ними она не ощущала своей избранности как с мушкетёрами. Последний раз виделись в начале сентября. Тогда показалось: Лёнчик и Саня другие, городские, что ли. Отпечаток взрослой жизни лёг большей развязностью, покровительственным тоном и джинсами «Монтана», показатель статусности и кастовости. Загнивающий запад применил безотказную тактику нанесения превентивного удара через «хэбэшные» брюки. Политически грамотная и морально устойчивая советская молодёжь сдалась без боя. Одежда американских рабочих однажды просочилась сквозь кордоны и за пару десятилетий отвоевала ведущие позиции в стиле «кэжуал». Главное надеть их на нижнюю часть, а верхнюю хоть в рубище обряди, значения не имело. Голубая мечта на выбор была у спекулянтов, но «Монтана» всем джинсам джинсы, никакие другие не шли в сравнение с настоящими монтановскими штанами. Фирменные, так и говорили, они лучше всех протирались в положенных местах, стояли и без человеческих ног, а влезали в них с мылом.

Ленка обходилась тем, что покупали родители: итальянскими «Райфл» и «Риордой», Серый тоже особо не выпендривался, носил «Вранглеры» и «Ливайсы». С ним она иногда виделась. Он устроился работать на «Ташсельмаш» по профилю и учился по вечерам четыре раза в неделю. Возвращался поздно, из центра Ташкента добираться два с половиной часа, а утром пол шестого назад. Поспать времени нет, когда гулять? Изредка встречал её возле школы, привалившись к забору. Завидев его долговязую фигуру из окна автобуса, от радости перехлёстывало. Ленка поспешно поправляла прилипшие волосы, плевала на угол косынки и протирала им лицо. Вот и сейчас, ладошками отряхнула старую зелёную куртку с рыжей искусственной оторочкой, потеревила горлышко водолазки.

– Ну, беги, беги, – сказал Коля-Петя, усы его затопорщились добродушно. Снял с её воротника соломинку, Ленка улыбнулась и неторопливо вышла последней из автобуса.

Шла в сумерках с Серым, болтала и чувствовала себя именинницей. Вот она, минута триумфа! С ней он идёт, а не с какими-то городскими студентками, уж тем более не со школьными девчонками. Саня с Лёнчиком вернутся и тоже с ней будут выгуливаться, а ещё лучше все вместе. А она бы с ними по махалле до самой старости отходила.

– О чём думаешь? – спросил Серый.

Ленка украдкой поглядывала на него и оценивала: он, наоборот, говорит спокойнее и увереннее. Расправился, не сутулится, в отличие от Сани подстригся коротко, светлые волосы поблёскивают в свете фонарей. Только ноги в узких джинсах-трубочках как у кузнечика с острыми выпирающими бугорками. Пахнет незнакомо, взросло, и, даже... Ой, мамочки, бреется!

– Да ни о чём, – соврала легко. – Я в России хочу поступать.

– Правда?

– Да. У нас нет баранов.

– Каких баранов?

– Ну, мы когда тебя ждали после экзамена, Саня сказал: националы всё равно вперёд пролезут. Чтобы пристроить одного барана, нужно отдать десять.

– Точно. И куда собралась?

– Не знаю пока. Вас всё равно не будет, что я тут одна?

– Я приеду к тебе после армии.

– Серьёзно? – Ленка зарделась кумачом.

– Конечно. Баранов у нас тоже нет.

Они засмеялись и долго стояли возле её подъезда. Домой идти не хотелось, тепло и ясно, на небе ни облачка. Давнишние приятели-звёзды образцово светили в вышине, вдруг одна оторвалась и стремительно полетела вниз алмазным росчерком.

– Смотри, смотри, падает, – Ленка пальцем потыкала в ночь. – Загадывай, быстрее.

– Ле-ена, – как всегда, отцовский голос не вовремя. – Кельмонда!

Несколько секунд и угасла, сгорела звёздочка.

– Сейчас, – крикнула в ответ и Серому: – Успел?

– Да, а ты?

– Не-а.

– Нечестно. Подождём, может ещё одна отвалится.

– Пойду, вставать рано.

– Пока.

– Пока, – попрощалась и пошла в подъезд, спиной чувствуя серый взгляд. Улыбалась, но оборачиваться не стала.

Последний школьный Новый год запомнился смутно и впечатление оставил угнетающее. Отмечали у Сани, его предки оказались самыми понятливыми. Они уехали к друзьям в город, дом оставили в полное распоряжение, в нагрузку к нему младших детей. Пятнадцать и тринадцать лет возраст солидный, можно и во взрослую компанию. После них по годам только Ленка, остальные одноклассники пацанов и дворовые друзья, всего человек двадцать. Сама себе она казалась мелочью, но хорохорилась – ей-то чего суетиться? Они-то как раз все пришлые, а она почти дома, у родителей отпросилась на всю ночь.

С девчонками как смогли шавли²⁰ наварили, тазиками винегреты-оливье настрогали, праздничной дефицитной колбасы «Сервелат» нарезали. Сыра в Ташкенте сроду не было, огурцы, помидоры маринованные из погреба да самодельное «лечо». Несколько тортов «Сказка», до которых так и не добрались. Запаслись местными напитками «Ок-Муссалас», «Баян-Ширей» и компотами в трёхлитровых банках родительского приготовления. Второй год как страна ускорялась и перестраивалась, нещадно боролась с алкоголизмом не через экономику, а безжалостно вырубая виноградники. Сухой закон работал вовсю, но, зная ходы-выходы, в Узбекистане ещё можно было достать всё. Из-под полы Санина мать помогла раздобыть вина производства Ташкентского винзавода.

Столы накрыли на веранде, под танцы определили зал. Ленка сидела между Серым и Лёнчиком и поначалу смуцалась, ни разу в жизни ещё не пила и опростоволоситься не хотелось. Смотрела исподтишка за всеми – выпивают потихоньку, никто не валяется, все весёлые.

– Давай, Ленк, по глоточку, – Лёнчик не оставил боевую подругу в беде и принялся обучать искусству питья.

Она набрала полный рот, переборщила и всё сразу проглотить не смогла. По закону сообщающихся сосудов часть незамедлительно вытекла через ноздри. Закашлялась, чихнула, Серый сунул ей под нос кухонное полотенце.

– Кто за тобой гонится, алкашка? – засмеялся Лёнчик, у самого глазки уже масляные. – Ну как?

– Кислятина, – честно призналась она.

– Может, другое налить? – спросил Серый.

Раз уж села в лужу при всём честном народе, какая теперь разница? Отважно сказала: «Да». Он плеснул на доньшко в пустой фужер и она с осторожностью попробовала «Баян-Ширей». Холодненькое, сладковатое, а персиковый компот лучше, или вишнёвый. Но не позориться же до конца, тем более пацаны терпеливо ждут её реакцию, в лицо заглядывают.

²⁰ Шавля – неудачный плов.

– Вкусненько, – сказала небрежно, Серый удовлетворённо кивнул и добавил до краёв.

Ленка с обречённостью смотрела на массивный хрустальный кубок, встала вместе со всеми, чокнулась и выпила до дна.

Если бы тогда понимала, что вино бывает разное: столовое, креплёное, сухое и прочая, и прочая, то может быть и не набралась. Цедила бы потихоньку «Ок-Муссалас», вместе со всеми дотянула до утра и на своих двоих доползла до дома. Но получилось как получилось: раз, другой и к танцам она подошла не в меру смешливая и жизнерадостная, хохотала беспричинно, путалась в подоле синего платья из трикотина (мода тогда была ниже колен). В общем, проходила испытание алкоголем.

Быструю музыку свели на «нет» за полчаса. Собираться шумной компанией без предков, чтобы скакать? Не-ет. Медляк, медляк и ещё сто пятнадцать раз медляк, прижимались вплотную. Парни властные и brutальные все до одного, прилепят ладони под лопатками девчонок, а те и млеют. Доверчиво голову на плечо пацанам положат и сопят им в воротничок рубашки, они, в свою очередь, щекой льнут к дамским ушкам. Так и топчутся, как сросшиеся головами сиамские близнецы, вздыхают в свете ёлочных огней. Вся функция никому ненужной ёлки – таинственно мерцать в темноте, на доли секунды выхватывая жёлтые, зелёные, оранжевые одухотворённые алкоголем лица.

Даже поддатый Лёнчик танцевал не меньше остальных, а Ленка переходящим синим выпелом то с ним, то с Саней, то с Серым. Синтетическая ткань забилась между ног, узбекские шаровары, а не подол. Поочерёдно две пары «Монтан» и одни «Вранглеры» упруго тёрлись о Ленкин живот и переднюю часть бёдер. Джинсовые картонные ширинки давили, а она наелась до краёв, да и платье жалко, затяжки будут. Кураж прошёл, в ушах шум, а не «Take on me, take on me», в глазах плывёт и сладко подкатывает к горлу тошнота.

С Лёнчиком и Саней танцевать приспособилась сразу. Закидывала руки им на шею не в целях пообниматься, а чтобы не упасть, укладывала голову на острое плечо и дремала, уткнувшись в мягкую кожу. Несколько мгновений чувствовала себя так хорошо! Сзади спину греют тёплые руки, пальцы успокаивающе поглаживают, один, самый нахальный, осторожно пробегает по ляпочке лифчика. Извечная игра между мужчиной и женщиной во все времена разная. Тогда искусство флирта было более невинным и от этого более волнительным. Но не для Ленки. С закрытыми глазами в голове вихрилось в два раза быстрее, откуда-то лезли несметные полчища мошек и мельтешили, мельтешили. Становилось ещё хуже, она резко распахивала глаза и пустым взглядом таранилась в полумрак, головы не отрывая от спасительного плеча.

С Серым танцевать сложнее, уложиться невозможно, Ленка не дотягивалась. Держаться за его шею слишком высоко, руки быстро затекают и изнурённо сползают вниз. Он сам нашёл выход, одной ладонью плотно обхватил её спину, другой прижал пальчики к своей ключице. Тут же и лицо Ленкино разместилось, и лбом и носом упираясь в голубой батник. Прильнула всем телом и висела безвольной куклой.

Серый легко оторвал её от пола, она глупо хихикнула, подняла голову и наткнулась на странную зелёную физиономию, которая тут же пропала. Через мгновение хищно-красная нечеловеческая морда смотрела на неё и лыбилась. Миг, и мертвецки синяя не сводит глаз, того и гляди рявкнет загробным голосом «Отдай моё сердце»!

К традиционной молодёжной забаве «бутылочка» Ленка почти спала. Игра по тем временам любимая. Хоть и женихались и целовались напропалую, но кто знает какие страсти в ком таятся? Два конца стеклянной бутылки могли демократично совместить несовместимое: скромнягу с первой красавицей, местного Алена Делона с самой замухрышистой девчонкой. Деваться некуда – вставай и целуйся при всех.

Разместились по-узбекски на полу. Ленка поджала под себя ноги, сложила руки под грудь, одной подпёрла подбородок. Потихонечку раскачивалась взад-вперёд, чтобы не уснуть. В

круг даже не смотрела, кто там с кем не видела. Когда чей-то голос сказал шутливо: «Давай, Саня, в засос», она и не поняла.

– Лен, – подтолкнула сидящая рядом татарочка Альфия, одноклассница мальчишек. – Спишь, что ли?

– Не, нормально.

Поднялась, опираясь на Лёнькино плечо. Напротив Саня стоит, усмехается на одну сторону, глаза шурит, волнистые волосы чуть ниже уха, языком лениво прошёлся по губам. Тогда слово «сексуальный» не употребляли, уже много позже Ленка часто думала, что сексуальнее Сани в жизни никого не видела. Недаром на нём девчонки висли.

Вполне возможно, будь она трезвая, отнеслась бы к этому трепетно. Как юная барышня до старости лелеет воспоминания о ласках лихого гусара, так и Ленка могла. Но у неё сладость первого поцелуя смазалась портвейном, маринованными овощами и полукопчёной колбасой. Эта мешанина в обоих ртах вызывала рвотный рефлекс, да и партнёр увлёкся. Придерживал Ленкину голову ладонями, мягко захватил губы, язык его всю шарился по её нёбу. Она же думала: только бы не стошнило.

– Хорош, Саня, – с недовольством сказал Серый.

Ленка, наконец, вырвалась из плена, отошла в сторонку и прислонилась к косяку. Эмоций ноль, одна дурнота и губы пельменями. Сверху вниз туманно смотрела за игрой, отстранённо подумала «Почему Саня?», но тут же об этом забыла. Серый с Альфией поднялись исполнить поцелуйное «па», а она почувствовала: всё, больше не могу. Первым приливом пришло «лечо», Ленка прилепила ко рту ладошку, развернулась и поплелась во двор. На выходе её догнал Лёнчик, заглянул в лицо, сказал «Б-бли-ин...» и поволок наружу. Слава КПСС, успели! Новогоднее меню выстреливало в бетонированную уличную колонку, желудок стремился туда же. Лёнчик пригнул Ленку за шею, держал крепко и сам склонился рядом, повторяя:

– Ещё, ещё, Лен.

– Н-не могу.

– Можешь. Два пальца в рот. Толкай глубже.

– Н-не....

– Ну!.. Кому сказал!

Ленка послушно запихнула руку чуть ли не по локоть. Обеспокоенная мысль «Платье бы не испачкать» родилась вовремя, но вертелась безрезультатно, руки заняты животом и горлом. Зато откуда ни возьмись появился кто-то третий, накинул на неё большую куртку и скрутил в гусеницу злосчастный подол. Белка, хорошенькая дворняга, вертелась у ног, подвизгивала, заискивающе виляла хвостом, но положенной ласки не дождалась.

Когда всё закончилось, Ленка умылась ледяной водой, напилась и с тоской подумала остатками мозга: Позор на всю Европу! Пацаны, все трое, о чём-то переругивались. Она не слушала, хотела одного – спать. И уснула прямо во дворе под виноградником, так ей казалось. Стоя.

Проснулась на кровати Саниных родителей в трусиках, лифчике и колготках, заботливо укрытая одеялом. Справа, под этим же одеялом, Машка, а поверх него с другой стороны Саня в трусах и рубашке. Левую ногу по-хозяйски закинул на Ленку, рука покоится на её груди. Она обмерла. Ничего себе! Вот это номер!

Суетливо начала перебирать минувшую ночь, но, как ни напрягалась, ничего из ряда вон припомнить не могла. Хотя... Там всё было из ряда вон, даже хуже. Её грандиозное подпитие никакому описанию не поддавалось. Не простохватила лишку, напилась в стельку как самый последний подзаборный ханурик. Стовосьмая!

Добро бы, если все такие же, тогда не так страшно. «А платье-то где? И время сколько? Родители не приехали? Убраться надо, свиарник кругом, наверное». Соображала нормально и похмельем не страдала, ночью выполоскало дочиста, только во рту и кисло и мерзко. Попро-

бовала вылезти, руку Санину скинула, однако нога его весила центнер и с места не сдвинулась. Ленка поелозила под одеялом, от чего капроновые колготки противно закололи. Плечом аккуратно Саню двинула, тот что-то сонно промычал, обдав причудливой смесью запахов, и снова накрыл её тяжелой ручищей. Она повернулась на другой бок и выползла через Машку, та и не шелохнулась.

Босиком на цыпочках ступила на холодный линолеум. Сдёрнула с двери тётъ Люсин халат, натянула и отправилась искать платье, на ходу застёгивая пуговицы. Тишина спящего дома разбавлялась настойчивым мяуканьем кошки. Ленка прошла на веранду, животина крутилась у двери и просилась во двор. Выпустила, кошка юркнула в щель на крытое крыльцо, с улицы дохнуло морозно. Ленка огляделась – всё чисто, столы сложены и придвинуты к стене, на них расстелены полотенчики. Вымытая посуда высится горами и поблёскивает глянцевыми доньшками тарелок, солнечные лучи затейливо играют фиолетово-жёлтым на резных узорах хрустала. На полу ничего не валяется, даже кто-то протёр его и аккуратно сложил тряпку у входной двери.

Ленка вздохнула – одна она оказалась свиньёй. Платье своё обнаружила в ванной, видимо, кому-то пришло в голову застирать подол, чтобы ей не влетело от родителей. Стыдобище-то какое! Сняла платье с верёвки, переделалась, глянула на себя в зеркало – под глазами грязные разводы от туши, от виска вниз сползла розовая подушечная полоса. Сгорая от досады, привела себя в порядок и заглянула в спальни. Пашка спал в Саниной комнате, дальние ребята-друзья в детской. В зале как будто ничего и не было. Потухшая ёлка, отстоявшая новогоднюю вахту, уныло готовилась к следующему этапу через две недели. Несколько игрушек упали и кучкой лежали на журнальном столике.

Оделась и выскользнула следом за кошкой. Землю припорошило снегом, у колонки она подмёрзла бугристо, чётко обрисовала множество следов. Ленка вспомнила о своих похождениях и нервно вздрогнула. Соскучившаяся Белка подбежала, виляя хвостом, поднялась на задние лапы, передние уложила ей на колени. Смотрит тёмными бусинами, ждёт.

– Пьяница я, Бела, понимаешь? Пьянчужка, – бормотала сквозь слёзы, глядя тёплую собачью морду. Та жмурилась от удовольствия и кивала: Ещё какая! Конченный пропойца!

Встретились на следующий день после обеда. Ленка выходить не хотела, но Лёнчик в который раз настырно кричал под окном:

– Лен, давай быстрее, холодно же!

– Покоя никому не даст! – в сердцах сказала мама, она только – только прикорнула в зале. – Люди отдыхают. Или иди, или скажи, чтобы не орал.

Пацаны в полном составе пританцовывали на морозе возле подъезда. Разумеется, без шапок. Ни словом не обмолвились, прикалывались как ни в чём ни бывало и все вместе пошли поедать торты к Сане. Хрустко ломался под ногами тоненький ледок, сверху сыпала белая крупка, иногда ветер швырял её в лицо и она лупила по коже. Ленка прикрывалась с двух сторон капюшоном, пряталась за спинами мальчишек и была почти счастлива.

Глава шестая

Снова пришёл май. Другой, незнакомый, когда не на чайные розы любишься, не первой ягодой рот набиваешь, а сидишь дома. Ленка забиралась с ногами в кресло, смотрела бессмысленным взглядом на стену, на красный шерстяной ковёр и не понимала, что делать. Ковёр этот висел сто лет, жёлто-коричневый узор «SOOS» она знала до последней ниточки и теперь протирала его взглядом, как будто пыталась сложить из двух букв ответы на свои вопросы. Не получалось. Порой жизнь задаёт такие загадки, на которые ответов не существует. Тут и царица наук, математика, бессильна. Её Ленка любила, может, поэтому ей досталось самое сложное уравнение в истории человечества. Задача, казалось бы, простая: как из четырёх получить два. Но есть условие – ни вычитать, ни делить-умножать, ни извлекать нельзя. Такой вот интеграл, только сумма бесконечно маленьких частей. И даже букровка «S» на ковре вытянута в длину в виде интегрального значка.

В последний раз собрались вместе одним днём на вылазку в Чимган. Их четверо, дворювые друзья, одноклассники мальчишек кто смог. Шестнадцать человек, пять девочек остальные пацаны. Каждый год в мае выбирались за тюльпанами, для ташкентских это традиция. Когда теперь удастся?

Автобус на заводе родители помогли организовать. Трёхчасовая поездка сопровождалась нескончаемым пением под гитары, тряской по камням и визгом девчонок, косящихся на обрыв. Чимганские горы – жемчужина Узбекистана, Гулькам – бриллиант в этом драгоценном ожерелье. Первозданная природа: скалистые каскады, поросшие джидой и арчовниками, разнотравьем пахучим. По весне склоны алые, полотнами тюльпанными выстелены, куда ни кинь взгляд, пламенеют на серо-зелёном фоне. Прорезаны прозрачными ручьями, а их великое множество, теряются в горных теснинах и вдруг переливающейся стеной встают из-за поворота.

Снег на вершинах и летом не тает. Зачем-то с места стоянки все обязательно лезли вверх, чтобы дотронуться до него у кромки снежной шапки. Из последних сил тянулись, но эйфория от ощущения триумфа ни с чем не сравнимая, словно немислимую высоту покорил. Падали обессиленными звёздами на просевший снег и жмурились от яркого солнца. Отлежишься, передохнёшь и на корточках ползёшь вниз, чтобы не скатиться кубарем с крутого склона. По пути цветочки собираешь, а возле снега они и сочнее и ярче, напоенные талой водой. Мальчишки с охапками такие романтичные, выше облаков в юношеских мечтах. А они и впрямь стелятся пушистым белым покрывалом под ногами.

Запахавшиеся альпинисты вернулись на базу, растолкали цветы по вёдрам, перекусили и решили сходить к водопаду. Спустились в ущелье по сыпучке и растянулись вдоль речушки. Перескакивали по камням, помогая друг другу, шли около двух километров вверх по руслу.

Далёкий шум бьющейся воды подстегнул, прибавили ходу, миновали серо-жёлтую слоистую скалу, завернули и ахнули. Красота-то какая! Метров с десяти падает вода, со звоном разбиваясь о камни, тысячи радуг разливаются в мириадах брызг. Небольшая чаша у подножия принимает на себя удар и успокаивает неистовое природное творение. Грех туда не залезть, ты уже пришёл.

По одному осторожно ступили в озерцо, девочки ногой тронули и назад. Холодная, не рискнули. Но мальчишки все герои, кровь из носу надо сунуться в самое опасное место за стену падающей воды.

– Пойдёшь? – спросил Лёнчик.

– Не, боюсь, – ответила Ленка.

– Не бойся, держать буду.

Разделись до плавок и купальников, он взял её за руку и уверенно повёл за собой, не обращая внимания ни на переглянувшихся Саню с Серым, ни на ледяную воду. Ленка покры-

лась мурашками от холода, ступни заломило, хотелось вернуться, но Лёнчик не выпускал. Первыми подобралась поближе, он повернулся и сказал:

- Голову вниз. Глаза зажмурь и воздух набери. На три-четыре два больших шага. Идём?
- Идём.

Пьянящая радость затопила. Ленка посмотрела вверх, начало водопада терялось в безоблачном небе, опустила взгляд на вертикальное зеркало воды. Голова закружилась от собственной смелости, дух перехватило.

- Три-четыре!

Опс-с! Она вдохнула глубоко, прищурилась, но подглядывала. Сделала первый шаг, сверху по макушке ударило тугой холодной струёй, залило и глаза и уши. Ленка по инерции открыла рот и нахлебалась. На втором шаге Лёнчик её выдернул и прижал к себе. Развернулись и спинами прилепились к неровной скале. Мамочки мои! Восторг неопиcуемый! Прямо перед лицом несётся сумасшедший сгусток энергии, неудержимый как, как... Как Лёнчик. От этой мысли бросило в жар. Не чувствовала ни скользкой скалы, ни заледеневших ног. Он придерживал её за талию бережно и твёрдо, словно имел на это право. Повернулся такой счастливый, засмеялся и что-то сказал, она не расслышала в грохоте воды.

- Что-о?

- Я

Серый вынырнул рядом с ним и он замолчал. Следом Саня, руками опёрся на скалу, повернулся и встал возле Ленки. Водопад узкий, плотно прижались друг к другу голыми телами. Такие холодные и такие разгорячённые. Снаружи ребята руками замахали – мол, выходите, все хотят.

Обратно её Саня с Лёнчиком вытащили. Ноги задубели, Ленка села на горячие камни и принялась растирать голубоватые щиколотки. Лёня опустился рядом и спросил:

- Замёрзла?

- Чуть-чуть.

– Давай сюда, – он взял одну ногу и быстрыми движениями начал массировать. Ленка чуть назад не упала, ещё и покраснела как тюльпан. – Не надо, я сама.

- Сиди хорошо, кулёма. Не укушу.

Забиячливый Лёнчик мокрый сидел на корточках, мял Ленкины ножки и, как ни в чём ни бывало, насвистывал «Комарово». Если бы можно было провалиться сквозь скалы, она бы сделала это, не задумываясь. Но нельзя. Послушно сидела, чтобы не нарваться на насмешки, и задавала себе один и тот же вопрос: Почему Лёнчик?

На обратном пути все подустали, один он неугомонный. Снова собрал громадный букет: розовые, жёлтые, белые цветы, целая копна, такие только в горах растут. Добрались до стоянки голодные, пообедали и отдыхали. Ленка с девочками сидела на покрывале, поджав под себя ноги, мальчишки рядом вяло футболили. Лёнчик забил гол, победно гикнул, потом вытащил из вёдер все цветы, которые собрал за день и уложил их вокруг Ленки. Она не дышала, чувствовала – опять как свёкла варёная, а он стоял против солнца, склонив голову набок. Щурился и улыбался своей кривой улыбкой. Разумеется, нарвались.

- Тили-тили тесто, что ли? – сказал Ильдар.

- Ромео!

- Почему нет? Ты совершеннолетняя, Лен? – спросила Альфия.

– Да, ладно, вам, – сказал Лёнчик. – Мы в армию уйдём, а девчонки останутся. Слабо их напоследок цветами завалить?

Конечно, если берут на «слабо», кто отступится? Все как один повытаскивали тюльпаны и дождём высыпали на упивающихся восхищением девчонок. Ильдар за «фотик» взялся, бегал вокруг, щёлкал «Зенитом». Смех, прикольчики, благодарные женские аплодисменты, а Ленка опять думала – почему Лёнчик?

С собой тюльпанов не привезли. Доползли затемно уставшие, она сразу домой пошла, а пацаны на улице остались, препирались о чём-то. Спать хотелось до ужаса и Ленка не стала встревать в их разборки. Вполуха услышала, как Саня сказал:

– Самый мудрый?

– Да. И тебе никто не мешал, – ответил Лёнчик.

– Нечестно, – сказал Серый. – Уговор дороже денег.

– Я ничего не нарушил, но я вам сказал....

Что он там сказал, она не разобрала.

Перед проводами вчетвером поехали в «Уголок». Место для Ташкента знаковое, лучшие «цыплята табака» и самое вкусное мороженое с сиропом и орешками. Центр города, народ сюда тянулся со всех концов: погулять по жёлтым дорожкам Сквера в тени буйно разросшихся чинар, покатать детей на качелях-каруселях. Дальше пешком пройтись полюбоваться на изогнутую гостиницу «Узбекистан» в восточном стиле, на закуску «Уголок».

Отстояли очередь. Блондинистая кассирша с причёской как у Карлсона, густо покрашенными зелёными тенями и толстым слоем морковной помады на губах звучно тренькнула кассой и прихлопнула пухлой ладонью чек.

– Катта рахмат²¹, апа, – с серьёзным видом сказал Лёнчик.

Быстрый взгляд из-под нахмуренных бровей и сразу оранжево разъехалась улыбка.

– Какая я тебе апа? – кассирша блеснула золотыми зубами. – А вы чего лысье? В армию?

– Ну, да.

– А девчонка? Одна на всех?

– Ага.

– Да уж, не позавидуешь ни вам, ни ей. Ну, служите, солдатики. Возвращайтесь.

– Спасибо.

Чужой человек с ходу определил какой расклад, и без того не лучшее настроение испоганилось окончательно. Рядком облокотились на бетонный парапет, зависли друг над другом по ступенькам на второй этаж. Ждали заказ и сумрачно глазели на весенний ликующий Ташкент. Зелень ещё нежно-изумрудная, без пыльного налёта, в небе синь расплескалась, красотища! Мимо кафе прошли две женщины-узбечки в национальных платьях, что-то горячо обсуждая на родном языке. Струится прохладный хан-атлас, всеми цветами радуги переливается сказочной птицей Симург.

– Лен, а помнишь что обещала? – спросил Серый.

– Что? – она повернулась. Мальчишки подстриглись наголо по собственной инициативе, не дожидаясь массового армейского бритья. Какой-то бравадой веяло от синеватых голов. У Лёнчика лысина темнее, уши по бокам торчат ещё смешнее, чем в детстве, а глаза-шоколадки серьёзные. Он вытянулся за последний год, почти сравнялся с Саней, оба далеко за метр семьдесят. Резко повзрослел, лицо удлинилось, скулы крутые, щёки впалые, но на губах вечная ухмылка гуляет.

– На Чирчике, забыла?

– Нет. Куда я денусь?

Пацаны с облегчением усмехнулись, а Саня сказал, кривясь самой сексуальной в мире улыбкой:

– Коленочки у Леночки, идём, что ль?

Засмеялись и пошли есть вкуснейших в Ташкенте цыплят табака с фирменным томатным соусом. А по мороженому? Да, запросто, дважды.

Ленка пригорюнилась. Насыщенный романтикой месяц, а она маялась. Бродила по дому неприкаянно и места себе не находила. Экзамены её не беспокоили, оценки в аттестат

²¹ Катта рахмат – большое спасибо (узб).

известны, четвёрка только по физике, остальные пятёрки. Думала о другом. Сказать уверенно «люблю» язык не поворачивался, она не очень-то и понимала что это такое. Но, вросшая в пацанов, разрывалась на части. Никакие заумные мысли и рассуждения не донимали. Раскладывать по полочкам чувства, характеристики, плюсы-минусы тогда не умели. Даже в голову бы не пришло взять бумажку и записать – Лёнчик весёлый и преданный, но обормот, Серый умный и внимательный, но иногда злой как чёрт, даже страшновато, Саня добродушный красавчик, с ним всегда интересно, но тюлень ленивый. Это сейчас набери в интернете «как выбрать мужа» и вывалится целый список советов и рекомендаций. Не доверяешь бесплатным инструкциям? Пожалуйста, от тысячи рублей в час и дипломированный психолог вскрыет твоё ну о-очень глубинное подсознание, докопается до того, чего ты отродясь о себе не знал. Растянет эту резину на несколько недель и сумм и даст чёткие указания. Интересно только одно – а куда подевалось сердце? Махонькое, с кулачок размером. По большому счёту, это просто кусок мяса, но почему оно то ноет, то колет, то бьётся сладко и учащённо, то глухо и болезненно? Что делать, если ты одна, а их трое? Кто тут советчик, кроме сердца? Вот оно и насоветовало незамысловато – нужны все. И от этого не спалось, не елось, не гулялось.

Свадьбы-похороны, выпускные-проводы – для махалли события общие. Не гостями за стол, но обязательно ходили в школу посмотреть на внезапно повзрослевших мотыльков-девчонок в разноцветных платьях. В армию парень уходит – соседи на улицу выйдут доброго пути и лёгкой службы пожелают. На невесту поглазеть тоже со всех окрестных домов высыпали, ну а похороны это похороны, здесь сам Бог велел, и христианский и мусульманский.

Саня и Лёнчик уходили вместе, Серый на две недели позже, но проводы решили делать сразу тройные. Друзья одни и те же, какой смысл растягивать? Столы накрыли в Санином дворе. Родственники, соседи, молодёжь, детвора, около шестидесяти человек. Между участками огорода за виноградником поставили учак²² с большим казаном. Рядом табуретка, на ней чашка с мытым рисом. Зирвак²³ для плова бурлит, запах его пряно-мясной перемешивается с древесным дымом и стелется по округе, вызывая кроме аппетита шутовскую перепалку:

- Когда теперь пловешник поедим, а, пацаны? – сказал Саня.
- Серый за две недели ещё обожрётся.
- А тебя завидки берут? Я самый маленький.
- Длинный ты, а не маленький, – снова Лёнчик.

Ленка с девчонками помогала накрывать на столы и прислушивалась. Поглядывала на мальчишек и тоской разъедало сердце. Послезавтра не будет двоих, потом и Серого, а что дальше? Как это рассосётся, образуется? Она же не дура, как подростки, постоянно на себе их взгляды ловила. Боковым зрением видела, как они за спиной кулаки друг другу показывают да перемигиваются. Поначалу льстило и радовалась, потом запаниковала – что делать-то?

- Ле-ен, – позвал Саня. – Иди сюда.
- Чего?
- Иди, говорю. Без тебя не будем.

Ленка нарочито медленно раскладывала вилки, поправляла салфетки и открытой спиной над ситцевым сарафанчиком чувствовала три пары глаз. Почему-то побаивалась идти, не хотела, чтобы смотрели на неё с этой грубоватой нежностью.

- Ленк, силком тащить, что ли? – нетерпеливо сказал Лёнчик.

Она закинула на плечо кухонное полотенце и направилась к пацанам, шлёпая сланцами по грунтовой дорожке. Шла как под прицелом, пялились они на неё бесцеремонно. Высокая вишня у забора обсыпала их пятнышками тени от листьев, от чего лица казались рыбыми. Все

²² Учак – небольшая печь, приспособление круглой формы для установки казана.

²³ Зирвак – основа для плова: обжаренные куски мяса с луком, морковью и специями.

в джинсах и светлых футболках, стоят по росту такие смешные: лысые, лопухие и пятнистые. Может, это и спасло, не позволило зареветь в голос.

– Чего?

– Рис надо забросить, – ответил Саня.

– Ну, бросай, а я что?

– Не-е, давай, как положено, не увиливай, – добавил Серый и привычно поджал губы.

Она улыбнулась и сказала:

– Никак нельзя без этого?

– Никак, – встрял Лёнчик. – Шавля, а не плов получится.

Узбекский обряд они дурашливо исполняли всякий раз, когда назревали какие-то важные дела. Религия здесь ни при чём, никаких издевательств над национальными традициями в этом не проскальзывало, молодости свойственно находить смешное во всём. Лёнчик напевно бубнил, остальные заунывно гундосили.

Встали вокруг учака, улыбаются, руки к лицу сложили. Лёнчик затянул:

– Бисмил-ло-о рахмон рахи-им!

Подхватили в нос:

– У-ну-а-йя, у-ну-а-йи....

Дальше всегда шла тарабарщина. Язык Лёнькин виртуозно выписывал пируэты, складывая на мусульманский манер ал-ля-хи – мал-ля-хи. Шутейно сосредоточенный Лёнчик и собственное гнусавое нытьё обычно приводили к веселью, почему сейчас были серьёзными? Неизвестно. Смотрели как лопаются пузырьки в казане, как утробно пыхтит ярко-оранжевый маслянистый зирвак, и старательно выводили:

– Бисмил-ло-о рахмон рахи-им!

– У-ну-а-йя, У-ну-а-йи....

Никто из них даже представить не мог, что помимо личных драм, будет трагедия огромной страны и миллионов людей. А Узбекистан внезапно забудет о восточном гостеприимстве, о вековом совместном проживании многонационального народа и укажет на дверь детям своим. Чёрной краской напишет на бетонных заборах: «Русские в Рязань, татары в Казань, а корейцев сделаем рабами». Можно сколько угодно говорить о социально-экономических проблемах в целом по стране, но это было. Кому-то понадобилось разжигать межнациональную вражду и делали это умело. Резня в восемьдесят девятом сначала в Фергане, а совсем скоро разгоревшиеся пожары рядом под Ташкентом породили страх – а, вдруг, и нас?

И плыло над уютным русским двором посреди узбекской махалли тягучее, как патока, муторное пение:

– Бисмил-ло-о рахмон рахи-им!

– У-ну-а-йя, У-ну-а-йи....

«Во имя Аллаха, милостивого и милосердного»!

«Отче наш, сущий на небесах!

Да святится имя Твое;.... Спаси и сохрани»!

– Не плачь девчонка, пройдут дожди, – во весь голос взревел Саня, Белка испуганно гавкнула. Он взял чашку с рисом, поставил её на голову и помаршировал с ней вокруг учака.

– Солдат вернётся, ты только жди! – ухнули ещё двое новобранцев, топая следом и широко размахивая руками.

Собака крутилась между пацанами, Ленка смеялась, отхаживала их полотенцем и приговаривала:

– Дурачки! Вот дурачки!

Глава седьмая

Ленка с лёгкостью поступила в Барнауле на экономический факультет Алтайского политехнического института. Почему Барнаул? Да потому, так решила и всё. Сама поехала с одноклассницей Риммой, сама подала документы и заселилась в общежитие. Вступительные экзамены сдала на пятёрки, а Римма завалила, но возвращаться не захотела и пошла в Барнаульский кооперативный техникум.

Бойкую пацанку Ленку выбрали старостой группы. Она успевала учиться, носилась с разноцветными талонами на продукты, выдавала их под роспись, что-то организовывала, в общем, студенческая круговерть затянула. По единодушному мнению нескольких поколений людей время самое счастливое, беззаботное и запоминающееся. Влюблялись и женились, как правило, именно в эти годы. Почему после окончания института девчонкам задавали вопрос «А что, до сих пор не замужем?», непонятно. Как будто они засиделись в девках и теперь если и сгодятся кому, могут считать – жизнь удалась. Неразобранные вековухи двадцати двух – двадцати трёх лет от роду отвечали уклончиво:

– Нет достойных.

На самом деле их не было никаких – ни достойных, ни не достойных. Отчего-то среди детей, рождённых в конце шестидесятых – начале семидесятых, девочек оказалось значительно больше. Запрограммированные на жизненный алгоритм «свадьба – воспроизводство – воспитание детей – внуков – счастливая старость», многие оказывались невостребованными. Пункт «карьера» тогда в женской повестке отсутствовал и для исконно девчачьих факультетов проблема из проблем.

В этом плане Ленке повезло. Три письма с обратным адресом «Полевая почта, в/ч», трогательными надписями на конвертах «Шире шаг, почтальон. Лети с приветом, вернись с ответом», она хранила и перечитывала тысячу раз. Начало и конец как под копирку: «Здравствуй, Лена! С армейским приветом Саша (Лёня, Сергей). В первых строках моего письма... Жду ответа как соловей лета. Саша (Лёня, Сергей)». В середине про жизнь в учебке: присяги, караулы, зубрёжка, окапывание, стрельбы. У Сани заканчивающейся пастой накарябано: «27 раз подтянулся, лучше всех, даже Круглый 25. Чмошника одного с ним откепали. Не думай, мы по очереди». У Лёньки каракулями без запятых: «Кормят на убой будут на шашлык резать. Чуть не забыл. Мурлу одному насовали. Бывают же гады. Сначала Саня. А эта (чиркушки по матерному слову на букву «С») тварь не понимает. Я добавил». Она читала, улыбалась и представляла, как пацаны навешивают с отяжечкой бестолковому сослуживцу. Невероятно, но оба попали в воздушно-десантные войска, и не куда-нибудь, а в Чирчик, городок под Ташкентом. Радовались, дома, практически. Фотку прислали: стоят в обнимку, панамы прикрытые. Ухмыляются, одна нога согнута в колене, носком ботинка в землю упирается. Шалопаи! У Серого строчки ровные, буквы округлые с правильным наклоном: «Задал вопрос на политзанятиях. Вместо ответа получил два наряда вне очереди и чаще стал отжиматься. Всё равно не понимаю».

Больше писем не было. Ленка переживала, бегала на переговорный пункт звонить родителям, спрашивала про мальчишек, но ответ один и тот же – служат, что с ними сделается? После первой сессии приехала домой на каникулы, сходила ко всем. Тётя Люся, Санина мать, усадила пить чай, расспросила о студенческом житье-бытье, а потом со вздохом сказала:

– Под Джалалабадом оба. Сашка писать не любит, на пол странички нацарапает – всё хорошо. Жив-здоров, мама, не волнуйся. Ты же знаешь, Лена, ему верить... Не служба, курорт. Три письма всего было, и у Нади столько же. Волнуемся, конечно.

В открытую про Афганистан ещё не говорили, но земля слухом полнится, из махалли трое ребят постарше эту школу прошли. Как не волноваться, когда всё шито-крыто? Ленка и сказала сначала тётъ Люсе, а потом и осунувшейся тётъ Наде:

– Не переживайте так. Вернётся, куда денется? Привет передайте.

У Серёги отец дверь открыл.

– Здрасьте, дядь Петь.

– Здравствуй.

– Спросить про Серёжу хотела.

– Чего спрашивать? Служит он, служит.

– А где?

– В Приморском крае.

– А-а... Что-то не пишет.

– Когда ему писать? Это армия, – резко ответил дядь Петя и закрыл дверь. Успела заметить – за его спиной привидением маячила тётя Лариса.

Ленка на пацанов обиделась, могли бы и ей пол странички накатать. «Тоже мне, вояки! Ну и ладно, подумаешь. Вот придут, уж я их встречу, всех троих! Упрашивать ещё будут! Не плачь, девчонка? А я и не плачу».

Первым вернулся Лёнчик. В августе. Она снова приехала на каникулы и скоро уезжать, а он и вернулся. Точнее, его вернули. Длинная запаянная капсула, а внутри Лёнчик. Сверху распластанная тётя Надя. Ладони слепо шарят по серому металлу, чёрной косынкой лоб обрисован. Зарёванная Маринка, приклеенная к материному плечу, и отец напротив. Старый-престарый, в одну ночь бороздами перепахано лицо, на коленях кулаки, а суставы белые. На них Ленка и смотрела остановившимся взглядом. И тихий вой на весь дом.

Тянется на кладбище махалля. Молчит, шаркает за грузовиком. Вдоль дороги люди выходят, стоят и тоже молчат. Общие беды.

Саня

Глава восьмая

В военкомате оба написали «Прошу направить меня для прохождения службы в ВДВ». Здоровье показали отменное: ни кривой носовой перегородки, ни скрытой «свинки», зрение орлиное. Выросшие на улице, с малолетства бегали, прыгали, плавали, дрались как дышали и получили высшую категорию А1, заведомо элитные войска: ВДВ, морская пехота. На сборном пункте пока ждали, ещё помахать успели от нечего делать. Рядом старший лейтенант остановился, сигарету мнёт, лицо загорелое, подбородок с ямочкой, рот змейкой изогнут, глаза некрупные, но тёмные и какие-то шальные. Из-под фуражки кудрями коричневый чуб выпадает. Женщины таких любят, термоядерная смесь мужественности, самоуверенности и смазливости. Саня с Лёнчиком прекратили выпендриваться. Старлей прилепил сигарету в уголок рта, зажигалкой чиркнул и затянулся глубоко, со вкусом. Пыхнул в их сторону клубом дыма и сказал:

– Чего остановились, каратисты? Продолжайте.

– Цирк, что ли? – ухмыльнулся Саня, а Лёнчик добавил: – Не нанимались.

– Фамилия?

– Мальчиш Кибальчиш я, – задорно ответил Лёнчик, мозгов-то не было. Почему-то казалось, если присяги ещё не приняли, то как со школьным военруком разговаривать можно.

– Башкой у меня стены крушить будешь, – не повышая голоса, разлил ядовитый мёд старлей, замкомроты Багульник, и целых полгода гонял как сидоровых коз. Только и ловил момент погнобить повеселее. Как на грех, на глаза ему попадались с завидной регулярностью. Устав и у Сани и у Лёнчика от зубов не просто отскакивал, рикошетил шрапнелью, обменный на отжимание в положении «на костях» (на кулаках), так эффективнее всего запоминается. Багульник не гнушался и простенькими «вспышками», особенно возле скамейки. Встанет напротив, ноги расставит, бросит твою панаму-афганку и ехидно так:

– Вспышка с фронта!

Скамейка сзади подпирает, ты носом в асфальт, пока вползаешь под лавку, панاما упала – всё, не успел. Ядерное оружие массового поражения настигло и поразило, а старлей обязательно скажет: «Торчишь, рядовой Черкасов (Николаев), как геморрой из жопы. Руки-ноги оторвёт – ничего, жить можно, а без головы никак». И так до тех пор, пока рыбкой скользить не будешь и во время не уложишься. «Вспышка! Отставить! Вспышка! Отставить!» Сам кривится глумливо и напевает под нос:

– Где-то багульник на сопках цветёт

Кедры вонзаются в небо....

Радости армейской жизни и цену голубым беретам познали с первых дней. Парень был из Воронежа, его сразу Пыхом прозвали за то, что спал и пыхтел на всю казарму «пых, пых». Помимо того, что сами накосячили на призывном пункте, он ещё и помог попасть в любимчики комвзвода Ковалёву. Пых этот и крепкий вроде, и хвастался, что целенаправленно готовился в десантники, но сдулся быстро. Первые три дня новобранцев не трогали, всё смахивало на пионерлагерь для очень взрослых пацанов. На четвёртый день первый раз утром побежали кросс пять километров, задыхались, но как-то доползли, а он в хвосте, чуть ли не пёхом.

– Спецназ своих не бросает, ещё два.

Пацаны, матерясь сквозь зубы, Пыха в середину затолкали. Лёнчик его пинками да кулаками подгонял, Саня и Мурат из Башкирии подмышками подхватывали, когда мешком оседал. После этого забега у всех язык на плечо, сами в мыле, а Лёнке команда – загрузить щёбенку из большой кучи в вещмешок и три круга по территории (один заход метров шестьсот).

– За что? – он возмутился вслух. Уже знали: лучший рот – закрытый рот, но держать его в таком положении пока не научились.

– Ещё три. Поясняю – за «ЭН-О», неуставные отношения, товарища бить нельзя, – заокал лейтенант Ковалёв, типичный выходец из средней полосы России. Гхэающий говор, округлые звуки и лицом Иван Иванович Иванов. – Вопросы есть?

– Никак нет.

– Бехо-омарш! Остальным, вольно! Перекур пятнадцать минут.

Саня ошалел от такого издевательства, тупо смотрел, как Лёнчик с яростью гребёт щебёнку, взваливает на спину вещмешок и бежит по кругу утомлённой савраской.

– Рядовой Николаев, болтаешься как хавно в проруби! Прибавить!

Лёнчик выпрямился и побежал быстрее, что-то беззвучно шепча.

– С-сука! – едва слышно выдавил Саня и тут же голос: – Рядовой Черкасов!

– Я!

– Три круха по тому же маршруту! Бехо-омарш!

– Есть!

Саня сразу не сообразил и рванул вперёд, но сзади окрик:

– Куда? Грузись сначала, куча слева.

Он заталкивал щебёнку в вещмешок и сыпал отборные маты по-русски и по-узбекски. Потом бежал следом за Лёнчиком как выучный верблюд, горячий пот струился по лицу, солёно затекал в рот, нестерпимо жгло от пояса до лопаток. Подошвы об асфальт ухают, в глазах круги синие-пресиние, щебёнка за спиной грохочет, вонзается острыми углами. Ворочал ногами и думал: «Мля-я-а... Куда попали»?!

В этот же вечер и узнали куда. Перед отбоем спины друг у друга глянули – одуреть! Пацаны вокруг стоят, присвистывают, матерятся – кожа в лоскуты. Кто-то спросил:

– А почему спецназ? ВДВ вроде?

– Потому, – отрезал сержант Жумагулов, командир отделения казах. – Глупый вопрос не задавать!

После отбоя Саня дотянулся через проход между кроватями до Лёнчика, оба внизу спали, и зашептал:

– Понял, Круглый? Мы в секретных войсках.

– Да понял я, понял. Ссышь?

– Не-а, а ты?

Лёнчик хмыкнул:

– Дурак, что ли.

– Пацаны, я с вами, если что, – сверху голова свесилась, Мурат – Башкир. Он и стал третьим до самого конца.

Саня отвалился на кровать. На спине лежать не мог, только на боку, но с гордостью огладил грудь с первой порослью, почувствовал упругость мышц. Уже герой – видела бы Ленка! Тешил себя воображением: он идёт по махалле в парадной форме, белым ремнём перетянутый, голубой берет лихо набок заломлен, полоски клинышком разбегаются в разные стороны, справа и слева рядами ордена и медали от самого пуза. На руке Ленка висит счастливая, дождалась! А Серый с Лёнчиком где? Да фиг его знает! С этим и уснул.

После присяги их проинформировали и проинструктировали: действительно, от ВДВ только форма, они избранные, элита из элит. Это не только честь, которую ещё заслужить надо, но и каторжный труд. А дальше начались запреты: ни говорить об этом, ни в письмах писать нельзя, упоминать фамилии сослуживцев тоже, о видах вооружения тем более. Рот зашить всем. Фотографироваться в спецобмундировании, а также на фоне спецтехники, запрещено. Письма от близких хранить не более двух дней, затем или сжигать, или назад отправлять обратным письмом.

Дорога из Чирчика прямая «за речку». Ташкентские это знали, как и знали родные Чимганские горы, так близко и бело поднимающиеся сразу за частью. Туда закинут, обратно все ли вернуться? Могучий вопрос.

Всем взводом от Пыха интуитивно отстранились, но на кроссах предусмотрительно засовывали в середину. Каждый считал своим долгом незаметно предупредить без слов, играя желваками – только попробуй! Он гнилой оказался, здоровый, а вата ватой, ещё и на стрельбах хуже всех себя показывал. Косой как Краморов, зато расплачивались всей ротой, то бег со щёбенкой, то под счёт отжимались до потери сознания, то «джампики» прыгали или гусиным шагом шаркали километр вприсядочку. А это и хорошо, мускулы качаются и качаются.

Когда в третий раз из-за него спины содрали, Саня не выдержал, навтыкал ему втихаря и пригрозил:

– Только вякни где-нибудь!

Отдать должное лейтенанту, он и Пыху спуску не давал. Загонит на турник, тот раз пять подтянется и висит бурдюком.

– Не можешь – научим, не хочешь – заставим! Упор лёжа при-инять!

В тот раз по Чимгану скакали в полном обмундировании, с камнями за спиной и сухпаем. Сначала марш-бросок на десять километров, потом в вертушку погрузили и в горы. Попрыгали метров с полутора на плато и вверх, как архары. Архаровцами и кликал взводный.

– Ну, что, архаровцы, сдохли? Курдюки подобрали и вперёд!

А какой, нафиг, вперёд? За спиной уже с десятков км по ущелью да по вертикальному склону, по нему только ползком и можно. И ползли под расплавленным солнцем как налипшие на занавеску мухи. Пекло за сорок, на зубах пыль скрипит, рот не закрывается, в носу жар печной. И пить, пить, пить... Всё время пить охота, а уже нечего. Не жрали и не лезло, так сухой паёк назад и притащили. Тренировки дома с «грушей» теперь казались детскими танцами. А Пых вырубился и встать не мог. Кому тащить первыми? Конечно, Лёнчику и Сане, любимчики же. Усталость смертная, сами еле ноги передвигали, ремнями дохлого Пыха к себе прицепили и тянули в гору. Тут команда «Замаскироваться»! Попадали за валун, непослушными руками нагребали камни, выкладывали заградительное сооружение в целях ввести возможного наблюдателя в заблуждение и обезопасить себя, а Пых трупом лежит. Лёнчик пнул его, тот голову поднял, глазами хлопает.

– Чё уставился? Маскируйся или тут похороню.

Пых судорожно кивнул и торопливо начал камни собирать.

– Понимает иногда, – сказал Саня, измученно лёг на бок и подложил руку под голову. Так валялся бы и валялся целый год. Смотрел на пламенеющее закатное небо, слушал чвиканье редких птиц и ничего больше не надо, даже повыведываться перед Ленкой охота пропала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.